
ПАРТИЯ-УМ,
ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ
НАШЕЙ ЭПОХИ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1986

ТУРБОАТОМ

Конструкторы. Какой будет новая турбина!

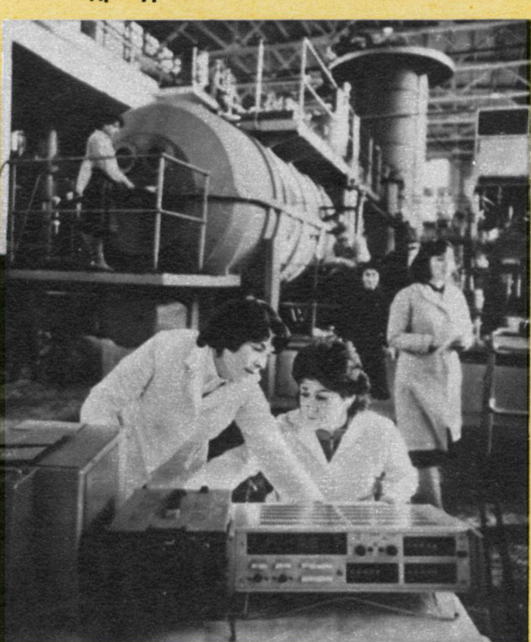
гиганты пятилетки

Миллион киловатт — таково наследство, оставленное нам пионерами энергетики дореволюционной России.

Миллион киловатт — мощность одного серийного паротурбинного агрегата, ныне выпускаемого производственным объединением атомного турбостроения «Харьковский турбинный завод» имени С. М. Кирова.

О. В. Чубарова — бригадир комплексной молодежной бригады операторов.

На этом стенде испытывают модели рабочих колес гидротурбин.

Герой Социалистического Труда бригадир слесарей-сборщиков И. Ф. Горбатько.

Токарь Анатолий Соколов. ▶

МИЛЛИОННИК

Путь от идеи до создания турбины-миллионника был непростым. Начали с тихоходной турбины, отработали модель и, только освоив ее, перешли к гигантскому агрегату. Четвертый год работает укрощенный атом на Южно-Украинской АЭС. По предложению конструкторов во главе с А. Д. Кантемиром осуществлена принципиально новая схема расположения турбины.

Самое сложное — создание новых лопаток. Именно они должны с помощью пара вращать ротор! Так вот, новая лопатка была создана, а все расчеты осуществили инженеры-конструкторы В. П. Сухинин и Л. Д. Москвина. Сложную задачу решали и сварщики завода: впервые создавался ротор барабанного типа. И хотя он относительно легок (всего-то пятьдесят тонн), рабочим пришлось на ходу перестроиться и применить новый процесс сварки. Помогали заводчанам ученые котлотурбинного института имени И. И. Ползунова. Помогла и система автоматизированного проектирования: в разработке новых узлов от момента создания чертежа до обработки на стенде теперь участвуют ЭВМ. По заданным программам электронный мозг проводит расчеты на прочность, виброустойчивость, экономичность. Электроника полностью подчинена воле операторов из бригады О. В. Чубаровой. Содружество ученых, конструкторов и электронного мозга помогло значительно упростить сборку детища «Турбоатома», облегчить труд рабочих.

Мы побывали в испытательном цехе. Просторный, светлый, он похож на небольшой город под стеклянной крышей. Смонтированные роторы — солнечные круги весом от десяти до ста семидесяти пяти тонн с серебряной сердцевиной и расходящимися в разные стороны зеркально отполированными лопатками! Сборку выполняют мастера своего дела из бригад Героев Социалистического Труда Н. К. Саулова и И. Ф. Горбатько. От того, как слесари-сборщики установят сияющие лопатки, зависит работа всей мощной турбины.

Их заказчики — Запорожская, Южно-Украинская, Калининская, Балаковская и другие АЭС, где установлены миллионники с маркой «Турбоатом».

Турбине-миллионнику присвоен государственный Знак качества. К концу нынешней пятилетки турбины будут оснащены автоматизированными системами управления. За их состоянием будут следить с помощью гибких световодов-эндоскопов, которые разработали харьковские приборостроители.

Энергетика — сердце индустрии. Продукцию харьковских турбостроителей знают в ГДР, Болгарии, Венгрии, на Кубе, в КНДР.

Трижды орденоносное производственное объединение атомного турбостроения «Харьковский турбинный завод» имени С. М. Кирова — партнер надежный.

Н. КРИВИЦКАЯ,
М. ШЕХОВЦОВА,
сотрудники харьковской областной газеты «Красное знамя»

Сборка ротора миллионника для АЭС * Отладка нового оборудования.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

НА СУББОТНИКЕ — ВСЯ СТРАНА

Почти полтора миллиарда рублей заработано участниками Всесоюзных коммунистических субботников в дни праздников безвозмездного труда только за минувшую пятилетку. На эти немалые средства построено много квартир, школ, особенно на селе, больниц и поликлиник, детских комбинатов, санаториев для ветеранов войны и труда, пансионатов для престарелых и других объектов.

По-хозяйски готовились к субботнику 15 февраля, посвященному предстоящему XXVII съезду КПСС, во всех трудовых коллективах и учреждениях страны. Он прошел организованно, с предельным деловым настроем. Нынешняя «красная суббота», а в ней приняли участие более 150 миллионов человек, стала подлинным смотром возможностей и резервов в борьбе за интенсификацию экономики, за претворение в жизнь задач, намеченных партией.

Строителями Тбилисского метро в фонд пятилетки перечислено за день две тысячи рублей.

На снимке (слева направо): делегат XXVII съезда КПСС бригадир бригады слесарей-монтажников управления «Тбилтоннельстрой» А. Даташвили и его товарищи по работе Г. Данелия, В. Махарадзе и М. Попхадзе на субботнике.

Телефото Г. Киквадзе (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (3058)

22 ФЕВРАЛЯ — 1 МАРТА

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

18 февраля 1986 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил следующие вопросы:

1. О Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

2. Об основных итогах общепартийного и общенародного обсуждения проекта новой редакции Программы КПСС и внесении его на рассмотрение XXVII съезда КПСС.

3. Об итогах обсуждения изменений в Уставе КПСС и внесении проекта измененного Устава партии на рассмотрение XXVII съезда КПСС.

4. О докладе XXVII съезду КПСС об Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

5. Об итогах всенародного обсуждения проекта «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» и внесении этого проекта на рассмотрение XXVII съезда КПСС.

По этим вопросам заслушаны доклады товарищей Горбачева М. С. и Рыжкова Н. И. Пленум одобрил представленные доклады, проекты новой редакции Программы КПСС, измененного Устава партии и Основных направлений и принял решение внести эти документы на рассмотрение предстоящего XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

На Пленуме рассмотрены организационные вопросы.

Пленум избрал т. Ельцина Б. Н. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и освободил его от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с переходом на работу в Московский городской комитет партии.

Пленум освободил т. Гришина В. В. от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию.

Пленум освободил т. Русакова К. В. от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ КПСС

18 февраля состоялось заседание Центральной ревизионной комиссии КПСС, на котором были рассмотрены и одобрены отчет комиссии XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, а также проект нового положения о Центральной ревизионной комиссии КПСС, который будет представлен предстоящему съезду партии.

РЕЛИКВИИ НАШЕЙ ЭПОХИ

Последний раз нам довелось побывать здесь четыре года назад, накануне закрытия Центрального музея Революции СССР на длительные реставрационные работы.

Сегодня музей готов к встрече с первыми посетителями. Через несколько дней состоится торжественное открытие, а пока сотрудники музея готовят витрины, расставляют экспонаты, сверяют этикетки. С любезного разрешения директора музея Тамары Григорьевны Шумной мы осмотрели экспозицию.

В музее собрано более миллиона экспонатов, основной же фонд — оригиналы — составляет около 800 тысяч единиц хранения. Уникальная коллекция постоянно пополняется экспедиционными изысканиями. А начинался музей более шестидесяти лет назад.

— Экспозиция размещена в пятнадцати залах,— рассказывает заместитель директора по науке Г. И. Ведерникова,— впоследствии откроются и новые помещения. Немалую помощь в создании нынешней экспозиции нам оказали Институт атомной энергии имени Курчатова, Центр управления космическими полетами, дирекция Саяно-Шушенской ГЭС, Балтийский судостроительный завод... На общественных началах была осуществлена реставрация уникальных экспонатов на различных предприятиях страны. Так, первый трактор реставрировали рабочие Бронницы, локомобиль начала XX века — на Краснопахринском ремонтно-механическом заводе... Каждый из пятнадцати залов представляет наглядную иллюстрацию к большому рассказу, названному «Идеи Октября живут и побеждают». Мы представляем уникальные партийные билеты — от первых, нелегальных, принадлежавших в том числе и выдающимся деятелям революции. Много материалов, рассказывающих о том, как утверждалась и крепла партия большевиков, о великой силе коммунистических идей. История Коммунистической партии Советского Союза и история Страны Советов находятся в неразрывном единстве.

О всех экспонатах рассказать невозможно. Упомянем лишь некоторые.

...Телеграфный аппарат Морзе, что отстучал историческое послание миру о победе Великого Октября; личные вещи Я. М. Свердлова; реликвии легендарной «Авроры». Подлинное знамя сормовских рабочих 1903 года; футляр скрипки, в котором перевозились нелегальные материалы; многочисленные издания трудов В. И. Ленина... Первая Конституция РСФСР, герб и флаг республики; «Памятка коммунисту на фронте» времен гражданской войны, в которой есть такие строки: «Товарищ коммунист, знаешь ли ты, для чего наша коммунистическая рабочая партия посылает тебя на фронт?.. Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним». А вот эмалированная кружка с надписью —«Память победы на трудовом фронте». Так в двадцатых годах отмечались трудовые подвиги.

Большой раздел посвящен Великой Отечественной войне, коммунистам фронта и тыла. Пробитый пулями партийный билет Ф. Лобынина. Четко видна дата вступления в партию — 1942 год. Коммунистом он ушел в свой последний бой за Родину... Маленький, засохший кусочек хлеба — дополнительный паек блокадного Ленинграда, выданный под Новый, 1942 год...

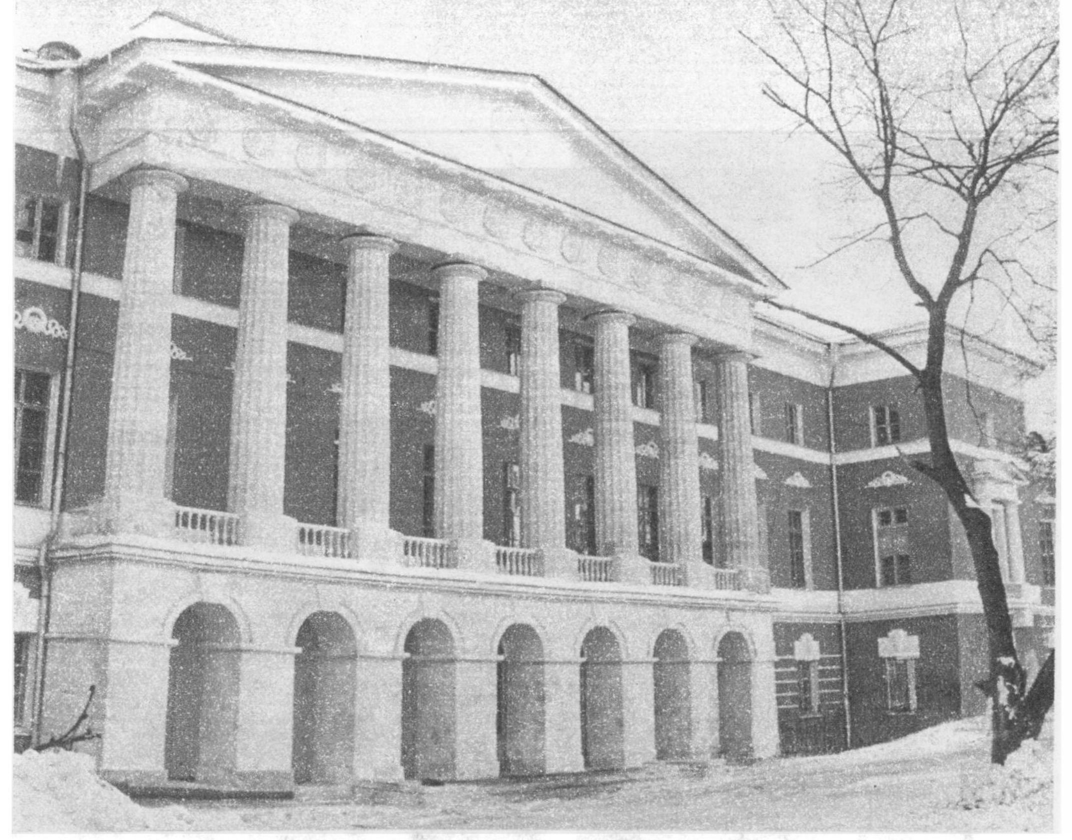
В экспозиции, посвященной XXVII съезду КПСС,— документы, фотографии, материалы, рассказывающие о всенародном обсуждении предсъездовских документов.

В отдельной галерее демонстрируется выставка «Великий Октябрь в изобразительном искусстве».

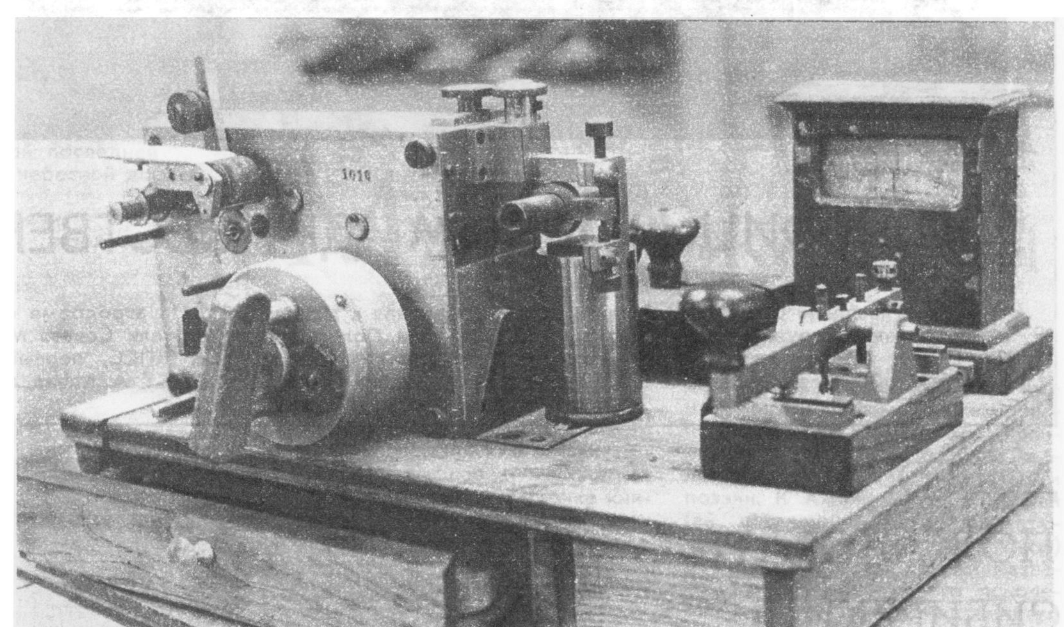
В одном из залов установлен полиэкран, на котором будет демонстрироваться специально подготовленный фильм «Народ — созидатель». А телеэкран диаметром более метра расскажет о работе XXVII съезда КПСС.

К. МИХАЙЛОВ

Фото С. Голубкова

Музей революции готов принять посетителей.

Телеграфный аппарат, по которому было передано сообщение о победе Октябрьской революции.

Партбилет Федора Лобынина.

ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№5017549
Фамилия Лобынин
Имя и отчество Федор Павлович
Год рождения 1922
Время вступления в партию Ноябрь 1942
Наименование организации, выдавшей билет

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1942 год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			

Встреча в аэропорту. Фото ТАСС.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства 18 февраля в Москву с официальным дружественным визитом прибыл член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Збигнев Месснер.

На аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, другие официальные лица.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, СИБИРЯКИ!

В тот вечер в Центральном Доме работников искусств было особенно многолюдно: ударники труда, мастера сцены, художники, писатели, имена которых знает страна. Все они пришли на посвященную XXVII съезду КПСС встречу посланцев Тюменской области с деятелями искусств столицы, которую правление ЦДРИ и редакция газеты «Советская культура» проводили в рамках движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры!». Это движение родилось несколько лет назад с обращения красноярцев. Оно получило поддержку в партийных, советских органах, трудовых коллективах, дало ощутимый результат, проявилось в конкретных делах. Это и «десанты» мастеров культуры в отдаленные районы, села, и решение социально-культурных вопросов, и обмен творческими делегациями.

— С волнением и благодарностью шел я на вечер — встречу с посланцами Тюмени,— говорит делегат XXVII съезда КПСС народный артист СССР Евгений Матвеев.— Среди них — люди, удостоенные высокого звания Героя Социалистического Труда, люди, представляющие производство, науку, сельское хозяйство, культуру... Что такое Тюмень, сибирский характер, сибирские морозы, мошкара — знаю не понаслышке. Я начинал свою жизнь в тех краях. Воля, дисциплина, организованность, душевная щедрость, чистота помыслов, отношений — все это я видел и рассказал об этом потом в своих картинах. Видел, как девчушки брызгали друг на друга водой, чтобы не заснуть на ходу, не упасть от усталости, ибо стране в военные годы требовался их труд. Видел, как радушно встречали эвакуированных с Большой земли, как выхаживали их, отогревали. Жили мы как одна большая, дружная семья. Довелось мне быть и диктором Тюменского радио. Каждое утро, в шесть часов, начинал передачу и волновался, произнося в микрофон: «Говорит Тюмень...» И до сих пор испытываю волнение, думая о Тюмени. Какая силища заложена в людях, способных преодолеть, выстоять, победить!

На встрече в ЦДРИ выступает Евгений Матвеев.

Сегодня мы услышали рапорт тюменцев — сколько ими построено, добыто, узнали, что волнует их, заботит. Не секрет, что настроение людей — это половина успеха в труде. А хорошее настроение во многом строится на духовном. Генеральный директор «Надымгазпрома» В. Стрижов сказал, что собираются строить вторую музыкальную школу, одной уже мало. Это прекрасно. Следовательно, растет город. А сколько интересного рассказал ректор Тюменского университета Г. Куцев! Запомнились слова секретаря обкома КПСС Г. Лутошкина: люди приезжают в Тюмень всерьез и надолго, живут они не в легких условиях, и им чрезвычайно важно слово и дело искусства, литературы, они хотят слышать, видеть, познавать мир прекрасного. И мы, артисты, художники, композиторы, обязаны быть непосредственными участниками строительства новой жизни. Наш прекрасный мастер Лев Кербель объявил о желании преподнести Тюмени свою работу — скульптурный портрет первого космонавта Юрия Гагарина. Это добрый почин! Каждый из нас должен подумать, решить, в чем конкретно выразится его собственный вклад в культурное строительство Сибири.

М. КОРОТКОВ,
фото Н. Самойлова и А. Сизухина

ГИБЕЛЬ «ЧЭЛЛЕНДЖЕРА»

Николай ДОРИЗО

Через несколько часов после гибели «Чэлленджера» руководитель организации по осуществлению «стратегической оборонной инициативы» (СОИ) Д. Абрахамсон встретился с ведущими деятелями конгресса США и призвал их «не допустить, чтобы трагедия помешала реализации американской космической программы, в частности СОИ».

Из газет.

Мы только что
Видели их
На экране —
Живые,
счастливые
Братья-земляне,
Они,
улыбаясь,
пред нами стоят
На той
роковой,
На смертельной
той грани,
Когда уже им
Не вернуться назад.
Нас
Сблизило горе
с тобою,
Америка,
Хоть так я далек
От флоридского берега,
Но слезы твои
Обожгли
мои скулы,
Сейчас,
Они солоны,
Как все слезы людские.
Умеет
сочувствовать горю
Россия,
Героев своих
Хоронившая
в битвах
не раз.

Корабль этот —
Первенец «звездной войны»,
Не сработал.
Нет,
мы не злорадствуем,
Дань отдавая
геройским смертям.

Но коль экипаж его
Родине
жизнь свою отдал,
Пускай
не напрасно
погиб он,
хотя б!
Пусть смерть их
Послужит
сигналом тревоги:
Опомнись,
Америка!
Атомный призрак
зловещ.

Погибли они
в той последней
небесной дороге,
Чтоб Землю
от гибели
предостеречь.

Мы вас не забудем,
Планеты сыны —
Первые жертвы
«Звездной войны».

ДУШМАНЫ ОТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Из Бонна поступило сообщение о новой затее экстремистских кругов ФРГ. Там решили развернуть кампанию «Репортеры для мира — прозрачный Афганистан», включающую в себя подготовку 60 репортеров из числа осевших в ФРГ афганских отщепенцев. Предполагается, что после прохождения курса обучения их нелегально зашлют на бывшую родину для фабрикации вымыслов о положении на афганской земле, и в особенности о действиях ограниченного контингента советских войск, помогающего афганскому народу защищать свою независимость от покушений американского империализма и его союзников.

До сих пор наблюдалось своего рода разделение труда. Душманы убивали, грабили, жгли, взрывали. А продажные перья на Западе прославляли их и клеветали на тех, кто защищает афганскую революцию. Теперь же замыслили совмещение профессий. Надо думать, с доплатой за совместительство.

К числу инициаторов задуманной акции принадлежит небезызвестный Юрген Тоденхефер. Он депутат бундестага и играет в Бонне не последнюю роль. Но свою скандальную известность Тоденхефер приобрел не на ниве парламентской деятельности, а как сторонник антиафганских сил, на все лады восхваляющий душманов. В свое время даже далекие от симпатий к афганскому народу и его друзьям политические деятели ФРГ были шокированы сообщениями о том, что Тоденхефер, невзирая на свое официальное положение, грубейшим образом попирая элементарные требования международной законности и приличий, нелегально пробрался на афганскую территорию в составе одной из душманских банд. Возвратившись в ФРГ, он выступал с трибуны бундестага с антиафганскими и антисоветскими заявлениями, а также наводнил небылицами о положении в Афганистане консервативную прессу ФРГ и радиотелевизионный эфир этой страны.

И все же прослыть знатоком афганских дел ему не удалось. Тоденхефер на собственном опыте убедился, что визиты без приглашения на территорию суверенного государства — дело далеко не безопасное.

Конечно, еще вопрос, будут ли иметь больше успеха душманы, которых с помощью Тоденхефера и его единомышленников хотят срочно переквалифицировать в «репортеров». Надо думать, ложь об Афганистане не будет более походить на правду, если ее начнут преподносить с афганским акцентом. Очевидно здесь и другое: новая затея антиафганских и антисоветских кругов в Бонне не прибавит чести западногерманским властям, не упрочит доверия к ним за рубежами ФРГ. Ведь известно, с каким рвением они покровительствуют душманам, а с недавнего времени разрешили вести из Мюнхена подрывные радиопередачи на Афганистан.

Клеветническая кампания вокруг событий в Афганистане, по-видимому, должна оправдать новые шаги ФРГ по пути гонки вооружений. Чем еще, если не мифом о «советской угрозе», можно прикрыть, например, решение Бонна подключить ФРГ к осуществлению американской программы «звездных войн»? И как иначе объяснить населению страны необходимость размещения на ее территории все новых видов американского оружия?

Вымыслы об «агрессивных намерениях» СССР в отношении ФРГ все меньше принимаются на веру гражданами этой страны. Вот и пытаются боннские пропагандисты подогреть антисоветизм «афганской темой». Только вряд ли их ждет успех: уж очень дурно пахнет от затеи сделать это с помощью душманов-репортеров, руки которых в крови афганского народа.

Владимир МИХАЙЛОВ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИМЕНЕМ Мусы Джалиля

Героический сын советского народа Муса Джалиль... Оказавшись в фашистском застенке, он вместе с высшим гражданским мужеством проявил и высшее мужество как поэт, написав в этом застенке книгу, переведенную сегодня на семьдесят языков и напечатанную в миллионах экземпляров. Две награды имеет Джалиль: воинскую — Золотую Звезду Героя Советского Союза, и художника — Ленинскую премию. Муса Джалиль — единственный человек, удостоенный одновременно двух этих наград.

Сегодня именем Джалиля названы у нас десятки колхозов и совхозов, городов и улиц. Не единожды встречается это имя и в столице.

Предвоенные жизнь и творчество Мусы Джалиля тесно связаны с Москвой. До войны поэт был студентом Московского университета, учился в татарской оперной студии, организованной здесь для создания в Татарии профессионального оперного театра, работал в аппарате ЦК ВЛКСМ и в редакциях детской периодической печати.

Первое знакомство Джалиля с Москвой началось с Казанского вокзала, напоминавшего ему потом всегда Казань: самая высокая башня этого вокзала — уменьшенная копия красивейшей башни казанского кремля.

Джалиль с семьей поселился в Столешниковом переулке, в доме номер 11, в однокомнатной квартире. И когда ушел на войну, Амина-ханум — его жена, и Чулпан — его дочь, продолжали жить в этой квартире, и прожили тут двадцать лет.

Амина-ханум свято хранит память о Джалиле. Фотоснимки в скромных рамках, висящие на стенах, книги и альбомы, даже многочисленные сувениры — все напоминает у нее в доме о Мусе Джалиле, о его борьбе, мужестве и поэзии. К Амине-ханум, к Чулпан (ей посвящено множество прекрасных поэтических строк Мусы) и к представителю совсем незнакомого Джалилю нового поколения — внучке Тане приезжают его соратники, исследователи его жизни и творчества, поклонники его отваги и поэзии. И Амина-ханум сдержанно и просто отвечает на вопросы, связанные с личностью и деятельностью своего мужа.

Центр Москвы хорошо помнит татарского поэта. На улице 25-го Октября Джалиль работал в редакции, редактировал детские книги. На улице Воровского в Правлении Союза писателей СССР часто встречался с председателем правления Фадеевым, беседовал с ним о татарской литературе, делился своими творческими планами.

Есть в Москве и новая улица, названная именем Мусы,— в Красногвардейском районе, рожденная по самым современным градостроительным проектам.

80-летие со дня рождения Мусы Джалиля отмечается в нашей стране как знаменательное событие. В многочисленных дворцах культуры, клубах, библиотеках и школах прошли литературно-художественные вечера, посвященные жизни и творчеству поэта-героя, бесстрашно, до последнего дыхания боровшегося против фашизма.

Гарай РАХИМ,
ответственный секретарь
Всесоюзной юбилейной комиссии
по проведению 80-летия
со дня рождения Мусы Джалиля

НАДО ДЕЙСТВОВАТЬ!

Мысль, которая не только не утратила своей актуальности, а напротив — бьет сегодня не в бровь, а в глаз: не надо бороться за чистоту, надо подметать,— принадлежит Илье Ильфу и Евгению Петрову.

Сколько же еще предстоит всем нам «подметать», чтобы вымести из всех щелей бесчестность и бесхозяйственность, демагогию и приспособленчество, шкурничество и чванство и другие лопухи и репейники на просторной ниве нашей жизни.

Работа эта требует от нас не только трудолюбия, энергии, но и мужества. У чертополоха крепкие корни — можно кровавые мозоли заработать, пока его выдернешь из земли, он живуч, всеми силами сопротивляется, высочайшую приспособляемость выработал за то время, пока мы принимали желаемое за действительное.

В беседе с одним из своих товарищей по перу Александр Трифонович Твардовский очень точно и образно охарактеризовал такой тип, проникший, кстати сказать, и в литературу.

— Писатель Н., вы спрашиваете? Четырехглазка! И романы пишет тоже четырехглазые.

— А это как понять?

— Четырехглазку-то? Рыба такая. Недавно прочитал: обитает на большой глубине и пользуется там одной парой глаз. Но кормится в верхних слоях; как только у нее появляется аппетит — она туда. А там пользуется уже другой глазной парой. Распространена, как мне кажется, не только в океанских водах,— подытожил Александр Трифонович.

Четырехглазка вредна не только тем, что ест кусок, который не заработала. Главный ее вред в том, что, глядючи на нее, и другие, не отягощенные большим сопротивлением неправде рыбы начинают заражаться «четырехглазной» философией, а так и океан можно в болото превратить. Выход один — побольше проточной воды, чтобы не давать сытым четырехглазкам курсировать между «низом» и «верхом», набивая брюхо за чужой счет. И здесь многое зависит от литературы — лучших ее бойцов, взращенных на традициях патриотизма, гражданской активности и непримиримости к злу, сознания своего долга перед народом и Отечеством, перед собственным талантом.

Есть в ней люди, есть старшие товарищи, которые остались в боевом строю, даже когда перестали биться их сердца. Один из них — Всеволод Вишневский. Уже будучи больным, лежа в подмосковном санатории, он писал мне: «Привет! С Днем Победы... (В этот день я из Берлина прилетел в Москву.— **А. С.**). Начинаю от напора последнего десятилетия — приходить в некую норму... Читаю и думаю только об искусстве. Никуда не лечу, никого не бомблю, не срываюсь ночью с койки...

Литература идет впереди всех отрядов художественного фронта страны — и это мы можем скромно констатировать — и усилить свою работу... Мы многое должны сделать...»

С проницательностью писателя-коммуниста, писателя-бойца он назвал литературу и искусство фронтом и после войны. Это было трудное и радостное время. Трудное потому, что очень ныли раны, не зажившие с войны, у каждого и у всех вместе. Радостное, так как казалось, что главная беда позади, главная победа совершена и жизнь теперь будет безоблачной и прекрасной, как никогда.

Об этой жизни мечтал и я темным вечером 6 ноября 1942 года, когда вместе с начальником Брянского штаба объединенных партизанских отрядов товарищем Матвеевым (бывшим секретарем Орловского обкома ВКП(б)) и специальным корреспондентом газеты «Красная звезда» полковником Крайновым сидел в холодном самолете, загруженном боеприпасами, медикаментами, продовольствием и праздничными подарками для брянских партизан. Я в ту пору был военным корреспондентом «Известий» и получил разрешение на вылет к партизанам, потому что вез им в подарок свою песню (музыка Сигизмунда Каца) «Шумел сурово Брянский лес». И вот там, в тесном партизанском кругу, глядя на лица моих новых друзей, с которых под мелодию песни на минуту сошла печать строгости и напряженности, я подумал: «Как же счастливы станут те из нас, кому доведется жить на земле после Победы». Казалось, в горниле ее закалятся лучшие качества человека: мужество, сила, доброта, миролюбие и желание трудиться, а все остальное — мелкое, случайное — испепелится дотла. Так оно, в сущности, и было. Мы не принимали во внимание только одного: и на могучем дубе вырастает плесень, причем появляется она не в трескучий мороз и не в безжалостный зной, а как раз в самую благоприятствующую погоду, как еще одно доказательство закона борьбы противоположностей.

Вот поэтому, чем благополучнее и лучше становится наша жизнь, тем зорче мы должны быть, чтобы не пропустить момент появления плесени и в самом себе, и в окружающих. Ибо требовать от них чистоты ты имеешь право только тогда, когда наведешь порядок в собственной душе и совести, выгребешь из них то, что Виктор Астафьев так точно назвал «мусор под лестницей». Повторяю, для этого от нас требуется немалое личное мужество. Найдутся люди, которые в публичном негодовании по поводу безответственных головотяпов из какого-либо коммунального хозяйства усмотрят покушение на авторитет Советской власти (себя они, разумеется, причисляют к ее нетленным, недосягаемым ценностям).

Отношения писателя с жизнью таковы, что он не сможет создать ничего существенного, «долгосрочного», если боли сегодняшнего дня не станут его болями. В этом я убежден глубоко. Все самые замечательные произведения советской литературы, которыми мы сегодня дорожим, родились в гуще жизни, борьбы и труда.

И снова я вернусь к письму Всеволода Вишневского, которое получил, можно сказать, совсем недавно — более тридцати пяти лет назад. Тяжело больной, в сущности, уже обреченный, он прислал мне строчки, полные огня борцовского натиска, того самого, который и сегодня, и всегда будет высоким знаком отличия настоящего писателя-гражданина от прыткого, пусть даже и не бесталанного добытчика от литературы:

«Награда обязывает к новым делам. Продумываю детали работы с Чиаурели, мы с ним в конце марта поедем на Балтику, я его покрепче «окуну» во флотский мир. Затем — за новую пьесу: напор образов, персонажей силен, «остается» собрать их, «построить» и повести... Настроение бодрое, сосредоточенное... Этот год для меня вообще знаменателен: в декабре стукнет 50 лет, 30 лет регулярной литературно-публицистической работы. (Первый очерк о парт. подполье в Крыму напечатал в дек. 1920 г.— после разгрома Врангеля, редактором был Федор Гладков.)...»

В марте он не поехал на Балтику, потому что умер в феврале 1951 года.

А его слова «награда обязывает к новым делам» запали в душу. Каждому из нас дороги наши награды, давайте же не забывать, что награду надо не только заслужить, но и по совести отслужить всей дальнейшей жизнью и работой. Ведь человек носит награду, а не она его.

«Нам не дано предугадать»,— сказал поэт. Конечно, писатель не маг-предсказатель, но, если знаешь и любишь свой народ, его душу, его великую историю, однажды твоя жизнь скрестится с ее событиями, а там уж дело твоей совести — не разрушить это скрещение, пронести его через всю жизнь.

Однажды, когда я написал свою вторую пьесу, «Московский характер», меня пригласил главный режиссер Малого театра Константин Александрович Зубов и сказал: хотим вашу пьесу поставить. Вскоре меня познакомили с постановщиком — Алексеем Денисовичем Диким, человеком своеобычным, очень чутким, глубоко чувствующим правду жизни. От первой до последней репетиции я видел глубочайшую заинтересованность режиссера, его огромный такт. Поправки, которые я вносил по его предложениям в пьесу, органично вливались в нее. Он выводил героев пьесы на действие, тщательно исследовал каждый сценический характер и давал возможность актеру раскрыться в нем сполна. По общему утверждению, спектакль получился правдивым и острым. Кое-кто счел его чрезмерно острым.

Даже Александр Александрович Фадеев, посмотрев спектакль, сказал мне: «Знаешь, пьесу можно было бы закончить после третьего действия, после заседания бюро райкома». Он имел в виду, что партийный комитет назвал вещи своими именами и поставил точки над «i», а там, мол, уже все приложится.

Я позволил себе не согласиться с ним. Мне очень хотелось, чтобы зритель увидел, как люди будут жить после этого большого события в своей жизни, как они будут исправлять упущенное и строить заново то, к чему призвала их партия, как нелегка, а потому особенно значительна станет победа людей над обстоятельствами жизни, а для некоторых —

над самим собой. И вот литературная ситуация стала жизнью. Я по-прежнему убежден, что принимаемые нашей партией важнейшие и справедливые решения,— это не конец дела, а только его начало.

Они дали стране, подавляющему большинству советских людей огромный идейный и духовный посыл к высокому гражданскому самосознанию, к предельно честным самооценкам и оценкам происходящего вокруг, к активной творческой, созидательной работе.

Слово «честный» берет свое начало от слова честь. Честь — неотъемлемое качество нашего народа, всякого человека. Если в ком она задремала, сегодня ей самое время проснуться. Ну, а кто потерял свою честь, расторговал ее в погоне за карьерой, неправедными благами, с теми нам не по пути, тех мы отбрасываем, как камни с дороги.

Об этом я думал, присутствуя недавно на партийной конференции в Башкирии. Какая сложная многоцветная картина жизни раскрылась передо мной!.. Как сильны труженики этой республики! Они досрочно выполнили пятилетку по промышленному производству. Они многое сделали для подъема сельского хозяйства, культуры родной земли. Я до сих пор нахожусь под ярким впечатлением того праздника искусств, которым стал концерт для делегатов конференции. Профессиональные и самодеятельные артисты выступали рядом, и, право же, трудно было определить, кто лучше в этом соревновании талантов — лауреат Всемирных фестивалей молодежи и студентов Башкирский государственный ансамбль народного танца («Цветущий край») или народные ансамбли танцев завода резинотехнических изделий имени М. Фрунзе, сельскохозяйственного института, объединения «Салаватнефтьоргсинтез», дома культуры имени Салавата Юлаева и многие другие самодеятельные коллективы.

Какой же огромный творческий и трудовой потенциал у таких людей и как важно максимально реализовать его в деле. Конечно, сделать это непросто, нужна большая внутренняя перестройка, и прежде всего тех, кому партия доверила руководить людьми. На конференции остро и нелицеприятно говорилось о тех, кто на словах признавал новые задачи, поставленные партией, ленинские принципы подбора кадров, а на деле способствовал равнодушию, карьеризму, местничеству, семейственности, нечестным дельцам, проникшим на руководящие посты, тем самым нанося огромный ущерб доверию народа, его гражданской и трудовой активности.

Башкирские коммунисты, на мой взгляд, не побоялись выгрести «мусор» из-под своей лестницы и пришли к съезду с достойным багажом.

Но, повторю, это только начало, работа впереди огромная, и это надо сознавать всем сердцем, всей гражданской совестью. Могу сказать: я счастлив, что живу в такое время, что дышу свежим его ветром и по мере сил своих служу его задачам.

* * *

В Новороссийском музее я однажды увидел клавир оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок», на котором была видна надпись, сделанная в день освобождения города от фашистских захватчиков. «Играть можно — не заминирован. Сержант Бояркин». Оказывается, сержант Бояркин разминировал рояль в одном из домов, где нашли прибежище оккупанты, и, чтобы не портить инструмент, оставил свой автограф на клавире.

Этот эпизод кажется мне глубоко символичным. Этот рояль олицетворяет для меня все наше искусство, спасенное от фашизма рядовыми и офицерами Советской Армии, всем народом под руководством нашей партии. Сейчас она делает все возможное, чтобы это искусство служило миру и красоте, работало на счастье и процветание нашей державы, всех прогрессивных сил земли.

— Надо действовать,— сказал Михаил Сергеевич Горбачев на встрече в Женеве.

Да, действовать! Бороться за мир, крепить наше могущество неустанным трудом, ибо оно — вернейшая гарантия мира, с чистым сердцем и надеждой принимать те, не для всех легкие, но благотворные для страны, перемены, которые несет время, и крепить их каждому на своем посту.

ДЕЛО ПАРТИИ — НАШЕ ДЕЛО

Время велит

Любовь ГРИЦИВА,
бригадир мытищинского производственного объединения «Стройпластмасс», депутат городского Совета

В жизни не раз приходится сдавать экзамены: в школе, в институте, у станка... Да мало ли таких дней, когда волнуешься, нервничаешь: сдашь ли хорошо, хватит ли знаний, умения, смелости? В КПСС вступаешь раз в жизни, и волнение здесь особое. Вручили мне партийный билет, тепло поздравили. Вышла на улицу и долго не могла успокоиться: большая ответственность быть коммунистом.

Что значит для меня партия? Невольно связываю с высоким званием коммуниста собственные дела, почести и славу моего родного предприятия, в проходную которого вхожу тридцать лет. А после работы снова через проходную, где тебя провожают слова «Благодарим за ударный труд». В мыслях прикидываю, относятся ли эти слова сегодня ко мне.

На комбинат пришла девочкой. Стала бригадиром, коммунистом, здесь получила юбилейную медаль к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, потом орден «Знак Почета», стала лауреатом Государственной премии СССР, избрали депутатом.

Сама я не умею работать вполсилы и стараюсь, чтобы моя бригада работала так же. С сожалением расстаюсь с ветеранами, с радостью принимаю молодежь. Одиннадцатую пятилетку мы завершили в сентябре прошлого года, а сверх задания дали более ста пятидесяти тысяч квадратных метров линолеума. И сейчас ежедневно опережаем график, готовим трудовой подарок XXVII съезду КПСС.

В бригаде четырнадцать человек. Народ подобрался дружный. Работать умеют: вся продукция идет с первого предъявления. На партийном отчетно-выборном собрании шла речь о переходе бригад на хозрасчет. Сразу повысится заинтересованность рабочих. Человеческий фактор должен служить делу, двигать его вперед. На нашем комбинате есть резервы рабочих рук: где нужно девять человек — работают десять. Да и выкладываться невыгодно: за лишние метры нам не платят. А труд надо оплачивать так: сколько человек заработал, столько ему отдай. Материальное стимулирование пробудит инициативу, а будет инициатива, настойчивость, тогда и появится хороший результат, возрастет ответственность. Люди будут вносить рацпредложения, изменят технологические режимы, сами проконтролируют снабжение сырьем. А сейчас в этом немалые помехи...

В общем, возможностей много. Дело за тем, чтобы каждый на своем месте и в первую очередь коммунисты внесли хотя бы маленький вклад в решение задач, стоящих перед страной.

На совесть

— так можно выразить суть коллективного подряда, о котором рассказывает знатный строитель, Герой Социалистического Труда, председатель Всесоюзного совета бригадиров Владислав Пахомович СЕРИКОВ.

— Сегодня партия определяет человеческий фактор как основную движущую силу социально-экономического ускорения. Как, какими средствами в первичной ячейке общества — трудовом коллективе — обеспечить стабильную дисциплину, порядок, сделать организованность, ответственность каждого за порученное дело повседневной рабочей нормой? Самую заинтересованную поддержку вызвал твердый курс партии на укрепление дисциплины и порядка и конкретные меры по их обеспечению. Дело теперь за нами?

— Вернее, за тем, как мы подготовлены к этим коренным переменам. Насколько осознаем, где, в каких звеньях дисциплина труда требует резкого улучшения.

Но сначала о партийном курсе. Масштабные действия по укреплению порядка, оздоровлению всего нашего быта развернулись на ответственном этапе жизни страны, когда в преддверии партийного съезда проходило широкое, заинтересованное обсуждение основополагающих предсъездовских документов КПСС. Рассматривались и обсуждались они основательно — мне довелось принимать участие во многих рабочих собраниях. В них весь динамизм ускорения во имя процветания страны, с которым мы идем к рубежу двадцатого и двадцать первого веков. Это ускорение мы поставили своей главной целью. Ускорение как выражение единодушного мнения советских людей — вот что, думаю, является самым надежным, организующим началом нашей общей работы. С ним, этим единым мнением надо сверять все наши повседневные труды.

Сделано уже и сегодня немало. Но расслабляться нельзя. До подлинно сознательной внутренней дисциплины каждого, думаю, еще далековато, тут еще работать и работать. Вот давайте так посмотрим. Происходило обсуждение предсъездовских документов. Кто в нем участвовал? Как правило, все тот же актив, передовики. Они, как говорится, и ломают копья — как дальше жить будем, как работать, чтобы все намеченное осуществить. А те самые «деятели», из-за которых разгорелся весь сыр-бор с дисциплиной,—они себе помалкивают в тряпочку: а, мол, переживем, пошумят и угомонятся... Не за них ли, бездельников, пьяниц, захребетников, потерявших рабочую совесть, в первую очередь обеими руками браться надо? Партия свое делает, решительно избавляясь от не оправдавших себя руководителей, инертных, тяжелых на подъем. Но ведь и мы у себя «внизу», в трудовых коллективах призваны сполна воспользоваться теми качественно новыми критериями требовательности отношения к кадрам, которыми партия нас вооружила.

— Это — те, что на виду. А ведь есть еще немалый «резерв», как бы это поточнее определить, вынужденных бездельников, что ли. Которых, кстати, их положение вполне устраивает. И сегодня в любом коллективе найдется немало людей, кому и по штатному-то расписанию делать, собственно, нечего. Отсюда и выдвигаемая партией задача сокращения, совершенствования работы управленческого аппарата, рационального использования рабочей силы...

— Тоже пока еще большая наша беда: несовершенное управление... Уж мы-то из своей бригады видим это, что называется, невооруженным глазом. Мы, производственники, связаны ежедневными заданиями, за которые так или иначе с нас спрашивается, которые так или иначе поддаются измерению. А в коллективах, где так называемый ненормированный рабочий день? Каков там контроль за мерой труда и потребления?.. Помню, как мы, бывало, ломим в Заполярье, на сорокаградусном морозе да в полярную ночь, а в управление когда забежишь — там наш «линейный персонал» чаи гоняет. Кто уследит за их «отдачей»? А содержать их всех по штатному расписанию положено, как же — плановики, учетчики, хронометражисты! Кого только нет!.. Когда мы, уже набравшись сил в подряде и уткнувшись в стену полной незаинтересованности в нем нашего управления, поставили вопрос о том, чтобы и его персонал был вместе с нами непосредственно, и прежде всего в смысле материальной заинтересованности, «завязан» на конечный продукт производства, а не на отчетность, нас чуть ли не в антисоветчине стали обвинять: мол, против экономических законов социализма идете! Теперь уж такого демагога, надо полагать, не сыщешь, тем более что и тут, как говорится, наша взяла — со временем все управление перешло на подрядный метод. И как же, вы думаете, сработали тогда «экономические законы социализма», против которых мы якобы пошли? В первый же год укрупненные подрядные бригады позволили высвободить, в том числе и в управленческом аппарате, свыше 120 работников. Производительность труда выросла по управлению на 30, а за пятилетку — на 50 процентов. Какие еще нужны доказательства?

А между тем положение инженерно-технического персонала в системе подряда до сих пор остается камнем преткновения — где-то кто-то упорно сопротивляется очевидной выгоде общему делу. Думаю, что коллективный подряд, при всем его нынешнем количественном распространении, далеко не уйдет и всей своей сути не раскроет до тех пор, пока инженерно-технический персонал в том же строительстве не будет плотно «завязан» на конечный продукт нашей работы.

— Давайте попробуем развить актуальную сегодня тему соотношения исполнительности и инициативы, дисциплины и социалистической предприимчивости — в их синтезе, наверное, и заключается понятие сознательной дисциплины.

— Конечно, тут диалектика. Ведь если понимать дисциплину исполнения лишь как следование всяким параграфам «от и до», то недалеко и до абсурда: перевыполняющий нормы тоже тогда, выходит, нарушитель... Сознательная дисциплина, по-моему, состоит в том, чтобы, безусловно, выполняя минимум того, что тебе поручено, стремиться к максимуму — сделать больше и лучше. А это уже новаторство. А новаторство — всегда борьба. Для многих такая жизнь, как говорится, не по нутру. Останавливаются на механическом исполнительстве. Так оно спокойнее!..

В последнее время в связи с внедрением коллективного подряда я много ездил по стране. Помогал формировать новые подрядные бригады. Ну и разъяснял, что это такое — подряд социалистический в его сути. Видел: немало пришло к руководству молодых, образованных, энергичных ребят. Это, конечно, отрадно. Но все-таки, мне кажется, недостаточно обновляется, омолаживается среднее управленческое звено. Немало еще вокруг замшелых не по возрасту — по «заточке», вот уж воистину исполнителей «от и до» и ни шагу дальше. Из тех, что борозды не испортят, но и глубоко не вспашут. Эти не хотят, а многие уже и не могут идти на решительные перемены, осваивать новые формы организации труда. Не хотят рисковать. Ведь над ними, как говорится, не каплет... Да не больно пока и проявишь-то инициативу да предприимчивость при сегодняшнем положении дел... По своей новой должности мне довелось впервые по-настоящему окунуться в так называемое бумажное море. Действительно, в иные минуты глаза на лоб лезут: сколько же наштамповано разными ведомствами всяческих «указиков»! Конечно, инструкции нужны как основа регламента деятельности трудового коллектива. Но когда в параграфы загоняется все, от закрутки гайки до форм участия в управлении предприятием, тут уж воистину дыхнуть нечем. Какая уж там самостоятельность...

И вот еще что: посмотришь на эти поправки и поправки к поправкам — вроде все научно, деловито. А вдумаешься, глядя с высоты рабочего-практика,— паутина словесная, кружева! Ведь рождают и утверждают эти многочисленные «бумаги» зачастую те, кто в жизни с этой самой практической работой никогда не сталкивался. Сами же исполнители, те, чей труд призваны регламентировать положения и инструкции, к разработке этих бумаг ни малейшего касательства не имеют. А ведь они-то и должны быть в первую голову если не авторами, то уж, во всяком случае, соавторами правил, которые им предстоит выполнять. Это, кстати говоря, и способствовало бы упрощению и совершенствованию управленческого аппарата. А пока что получается? Вот уже и в произведениях литературы и искусства стал прямо-таки традиционным конфликт, когда этот самый исполнитель во имя того, чтобы соблюсти государственный интерес, обязательно должен что-то нарушать, идти на сделки, в том числе и с собственной совестью. А сколько еще таких ситуаций в нашей повседневной жизни! Почему мне, строителю, велят сначала ставить «коробку», а потом долбить ее вдоль и поперек, да еще вручную, чтобы проложить нужные коммуникации? Тот, кому нужен только длинный рубль, пойдет на это и будет крушить без зазрения совести. А тот, в ком чувство долга и совести еще не уснуло, вынужден идти на саботаж нелепых распоряжений и, значит, на неизбежные конфликты... Экономика в повседневной жизни самым тесным образом увязана с нравственностью, иначе и быть не может, и чего в этом сплаве больше — поди сосчитай...

— И все же попробуем... Что для вас лично, Владислав Пахомович, предпочтительнее в коллективном подряде: экономическое или нравственное начало? Вы ведь в молодости мечтали педагогом стать. Оказавшись бригадиром, тоже им, в сущности, стали... Взять ваши дневники, портреты-характеристики ваших ребят, и вообще это ваша «генеральная линия»: через человека — к делу, от дела — к человеку...

— Ну, это все равно, что спрашивать, кого больше любишь: папу или маму... Свои записи о ребятах из бригады, особенно о новичках, я всегда вел да и теперь веду, как говорится, не для баловства в литературе. Эти записи — вроде рабочих чертежей, по которым строишь... Мне повезло. Вместе со своими ребятами я пережил пусть и не такие частые, как хотелось бы, но все же радостные моменты истинного духовного взлета. Когда нас действительно захватывали, что называется, потребности высшего духовного порядка. И уже не о том, что такой-то проштрафился, мы пеклись — о том, как из этого «штрафника» сделать человека, совестливого в вопросах ответственности за результат общего труда. Когда вопросы начинали захлестывать, я запоем читал Макаренко и Сухомлинского, сам, как ваятель, над своими записями о ребятах ночей не спал: кто есть кто? Вот в чем заключалась и, по-моему, заключается суть подряда: в воспитании человека как главного двигателя дела. Результат? Подряд, который еще на моей памяти кем-то воспринимался чуть ли не как противопоставление заведенному порядку, стал одним из ве-

Э. Козлов. Род. 1926. ЗАВЕТ ИЛЬИЧА. 1985.

Художественная выставка «Советская Россия».

А. Яковлев. Род. 1934. БЫТЬ В ТАЙГЕ ГОРОДАМ. 1985.

Художественная выставка «Советская Россия».

дущих рычагов подъема эффективности производства, и не только строительного.

— «Движущая сила» сама должна «двигаться» прежде всего, получая ускорение от неких генераторов энергии...

— Что же, на мой взгляд, является главным источником поступательного движения в подрядном коллективе? Да ведь ясно: коллективность! Во всем, что касается дела, «конечного продукта», голос подрядного коллектива всегда звучит твердо, он знает: ему выгодно только и именно то, что выгодно государству. Здесь активные жизненные позиции каждого, сливаясь в одну, становятся активной социальной позицией коллектива. А если уж говорить о разного рода дисциплинарных мотивах, они во многом сами собой отпадают: любые рваческие устремления, попытки на чужой спине в рай въехать в подряде сразу же наталкиваются на систему, на коллективную ответственность. Подряд — это договор на совесть, я бы так сказал. А коллективная ответственность не только обеспечивает естественную дисциплину исполнения, но и рождает тягу к творчеству. Расскажу «боевой эпизод»: как наша бригада в Мурманске за свою честь постояла.

Мы, «промышленники», жилья до того случая никогда не строили. Но такая создалась ситуация, что руководство определило нам и жилой дом построить. Разумеется, «в пожарном порядке»: что-то там с планами не ладилось. А чтобы жарку поддать, «затравили» нас состязаться еще с одной бригадой, которая строила такой же объект. И что еще придумали для затравки: перетянул, как говорится, канат — получай приз, квартиру в отстроенном доме да еще и премию денежную. Как было не ввязаться? У нас в бригаде и новосел созревший ходил, Саша Кузнецов, отменный работник, отец двоих детей. Короче, квартира нам была нужна до зарезу.

Может, тут и имел место известный элемент авантюризма: где, мол, наша не пропадала! Ведь мы пошли на эту «схватку на ковре» практически без шансов на успех: состязаться-то предстояло с асами жилищного строительства — известной в области бригадой Алексеенко.

Ну, начали. Поначалу смех один. Мы доки в промышленных объектах, а тут пальцами тыкали поначалу: подай вон ту штуку! Пришлось уже на старте соперникам кланяться: выручайте подсказкой. Алексеенко, их бригадир, без разговоров откомандировал к нам своего аса-монтажника. Они у себя уже на третий этаж выходят, а мы с первым никак не разберемся. С «подачи» алексеенковского инструктора второй этаж мы уже спокойно поставили, но все равно: у соседей дом, как на опаре, растет, а мы все в деталях путаемся. Нет, подумали, так не пойдет, не видать нам с Сашкой квартиры, если чего-то срочно не придумаем. Всей бригадой головы ломали: как быть? И ведь нашли выход!

Больше всего нас, да и Алексеенко тоже, заедала «мелочевка»; сколько в доме всяких мини-деталей, и все их нужно на этажи поднимать. Кран у нас был один на две бригады, если его «мелочью» загружать, когда же он крупные детали нам подавать будет? Тут и вспомнили про лебедку. Привезли. Поставили. Алексеенко на нашу «механизацию» и внимания не обратил — свою «мелочевку» так и поднимал краном. А у нас дело пошло. Да так, что на четвертом этаже мы с алексеенковцами сравнялись. Утром прихожу на площадку — Алексеенко у доски показателей стоит. Мои ребята за смену 81 деталь смонтировали. Его бригада — флагман жилстроя — до тех пор выше цифры 25 никогда не поднималась. Стоит Алексеенко и глазам не верит: как же так вышло-то? Побежал в управление — проверять.

Кончилось тем, что мы уж отстроились, а соперники все еще на своей «коробке» суетятся. Конфликт разгорелся. Алексеенко горячится: нечестно, мол, мы победили. Почему, спрашиваю. Вы, говорит, лебедку применяли. А вам, говорю, кто ее мешал использовать? Спор спором, а авторитет Алексеенко, «маяка», вроде как под угрозой оказался: «промышленники» его обставили! Вызвали меня к руководству: давай, мол, Пахомыч, соглашайся на ничью, разойдись с миром. Нет, говорю, квартира призовая наша. Призы, говорит начальство, обе бригады получат. Нет, говорю, так не пойдет. Розыгрыш, говорю, получается вместо трудового поединка. В общем, отстояли свое. На новоселье к Саше Кузнецову и «соперников» пригласили, гуляли двумя бригадами, и победители, и побежденные. А эти два дома, между прочим, построили мы тогда в рекордные даже для знаменитого Алексеенко сроки...

История хоть и «местного» значения, а поучительная. От нее я бы, не кривя душой, протянул нить прямо к партийным документам последнего времени, а в них ведь говорится и о том, что у нас в практике все еще так дело пока поставлено, что тот, кто пошел на риск ради дела, нередко остается в проигрыше, а тот, кто нового сторонится, ничего не теряет и при любой погоде хорошо живет. Конечно, наш случай с лебедкой не отнесешь к разряду масштабных новшеств. Но в условиях низового звена он значил немало. И согласись мы тогда на «ничью», поддайся нажиму местных «верхов» — оказались бы в проигрыше, если не материальном, то уж в моральном точно.

— Такое поведение можно назвать вполне соответствующим духу того самого принципа социальной справедливости, который наша партия сегодня считает одним из ведущих в ее масштабных начинаниях. Бригадный подряд, думается, этот принцип в первую очередь и развивает...

— На нем все держится! Начиная с демократической системы самой организации подрядного коллектива. Вот, скажем, совет бригады. У нас он был особенный: я, бригадир, к примеру, никогда в совет не входил — чтобы не «давить» ребят бригадирским авторитетом. Одиннадцать вершителей бригадной судьбы регулярно переизбирались. Практически каждый мог попробовать на собственном опыте, что значит быть хозяином. В основе нашей «оценочной шкалы» лежал введенный нами же коэффициент трудового участия. Он отражал не только производительность нашего труда, но и показывал социальное лицо бригады: кто есть кто, как относится к делу и к коллективу... Коэффициент выводили общим решением совета бригады. И перед таким судом праведным робели все. И я тоже робел: мне ведь, как и остальным, коэффициент выводили без скидок. Кстати, никогда в своем бригадирстве выше четвертого разряда намеренно не поднимался. Даже конфликт с начальством из-за этого был: авторитет бригадира, мол, подрываешь, у тебя рабочие по пятому разряду работают! Но я знал, что скромность эту, пусть даже и немного нарочитую, в бригаде понимают правильно. Ну, это к слову... Так вот, я видел и понимал, отчего ребята переживают за коэффициент. Конечно, потерять тридцатку, на которую, как говорится, в душе рассчитывал, неохота. Но не за нее «дрожали», как на экзаменах: ведь если совет бригады, свои же ребята, снизят тебе КТУ — значит, ты работал хуже других, на чужой спине ехал, значит, не туда гребешь. Вот тут-то и был повод помучиться, сделать для себя выводы. Бывало, ходили за мной: ты, мол, бригадир, восстанови справедливость. Ну а где я, скажите, мог взять справедливость высшую, чем та, на которую пошли, имея на то все основания и права, мои товарищи по бригаде?

— Уже само по себе рождение нового метода — новаторство высокого класса. Когда мы с вами, с бригадой впервые встретились, вы только начинали продумывать свою подрядную систему. Помнится, были и известные «драматические» обстоятельства. Давайте мысленно вернемся на два десятка лет назад, в Заполярный — и поучительно, и к месту будет сейчас...

— Еще бы не поучительно! Ведь нас тогда кидало, как говорится, из огня да в полымя. Бригада была вроде штурмового батальона: чуть что — нас на прорыв. Мы тогда этим даже гордились. Как же! Палочка-выручалочка! Лихие мы тогда были ребята, и я сам был, что называется, «пробивной». Однако «допробивался»...

Ведь многие бригадиры — и только ли они! — как еще и теперь рассуждают? Обеспечь коллектив хорошей работой, выбей «наваристый» заказ с гарантированным приличным заработком — и гуляй. Что там кто думает, чем живет — дело второе. Вот с такой внутренней «идеологической установкой» руководил в свое время бригадой и я.

В смысле профессионального уровня бригада тогда подобралась что надо, мастера один к одному. Конечно, и это уже много. Ну, а дальше что? За душой? С этим было сложнее. Длинный «северный» рубль затмевал в наших душах даже свет длинного полярного дня. Заработать, а то и урвать, когда можно,— все мироздание вокруг этой задачи вращалось. Зачем он нам был нужен, тот «длинный» рубль — особенно не задумывались., Уровень потребностей, чтобы им распорядиться, был, прямо скажем, нулевой: как день получки, так жди дисциплинарных происшествий. Тускло жили. Как в полярную ночь. Хотя и «при деньгах». А я, бригадир, цену коллективу и себе уже знал и в управлении «продиктовал» эту «цену»: сто рублей в день на бригаду и никак не меньше, иначе, мол, ищите рыжего, чтобы он работал. Управление и на это требование пошло, куда же было деваться — Заполярье нехоженое, тут и «рыжего» поискать! Так и катилось: где-то переработаем — нам скалькулируют среднедельную, завалим программу — опять же припишут по средней. На этой элементарной арифметике мы и срезались, и я, бригадир, первым. Уехал в отпуск. Ребята, видно, подрасслабились и сработали ниже среднего. А поскольку меня нет, глотку, как говорится, рвать некому — вывели им выполнение по фактическим объемам. Вернулся я — в бригаде бунт. Помчался в управление «права качать». А там на этот раз мне «накачали»: сняли нас с выгодного объекта и бросили на рытье кабельной траншеи на сопке. Там уж не скалькулируешь: сколько накопал, столько и получишь...

Вот там-то, с высоты своего нового «географического» положения, я и призадумался: что же мы за народ, что же я за человек? Разве ж это бригада? Артель калымщиков. А я вроде как у калымщиков верховод. А ведь мы люди, совесть у нас должна быть! С той поры и стал присматриваться к своим. А главное — старался обеспечивать выполнение заданий только по себестоимости. Это оказалось делом трудным, но и интереснее стало: в бригаде истинная цена каждого любому как на ладони видна. Тут уж пришлось думать об организации труда — звенья ввели и звеньевых — и о рабочем настроении. Так и подошли к заветному для бригады рубежу. Теперь, с высоты прожитых лет, его, пожалуй, можно оценить как первый наш «подрядный» объект.

Строился никелевый рудник. Сама руда залегает там на дне речки, в тундре. Нужно было построить перепад на канале, отводящем речку в озеро, дробильную установку и котельную для будущего поселка эксплуатационников. Работа солидная — но, как говорится, на голом месте: тундра кругом! Жить предстояло в палатках. А чтобы было без обид и каждый «хлебнул» тундры и трудностей поровну, руководство решило посылать бригады на стройплощадку на месяц каждую. Вахтовым, так сказать, методом работали. Нам достался ноябрь.

Приехали мы на место, а там даже земляных работ еще не начали. А мороз — за сорок. Обратно бежать? Исключено: нашей бригаде это моральная смерть. Может, сработали тогда наше самолюбие да экстремальные условия, в которых мы оказались,— одни в глухой тундре, в сотне километров от ближайшего жилья. Поняли мы создавшуюся тактическую обстановку: если за зиму водосбросный участок канала не сделаем — весной вся стройка увязнет. Вот когда почувствовали, что мы на виду, что на нас смотрят и что, кажется, наступил наш звездный час: или сработаем, или опозоримся навек.

Ни «против», ни «воздержавшихся» не было, когда решили: все запланированное построить силами одной нашей бригады, без всяких замен. Может, и не знали еще в полном объеме, на что тогда шли, но отступать уже было некуда.

Два года проработали на том богом забытом пятачке. Спать валились — в чем были; палатка разве что только от ветра и прикрывала. Все «водоснабжение» — растопленный снег. А работа! Вечную мерзлоту клиньями ломали, двухпудовыми кувалдами крушили вручную. Как мы все сделали — одни, без какой-либо инженерной подготовки, в отрыве от базы — уму непостижимо. Прораб, когда приехал замерять объемы одних только земляных работ, наряд подписывать отказался: «Не может быть!» Дело дошло до того, что работу замерял и принимал лично секретарь райкома партии. Он сам и наряд подписал — редкостный документ, он теперь вместе с нашей тундровой палаткой в Мурманском краеведческом музее. А тогда секретарь тоже спросил: «Как же вы сумели?» Так ведь мороз-то северный, ответил я ему, останавливаться нельзя. А главным двигателем, говорю, наша рабочая совесть была. С нуля начали — «под ключ» сдали — так вот и появился тогда бригадный подряд, хотя в те дни мы об этом даже еще и не думали, экономическое обоснование наша идея получила уже потом...

Беседу вел
Виталий ГАНЮШКИН.

Федорова и ее девчата.

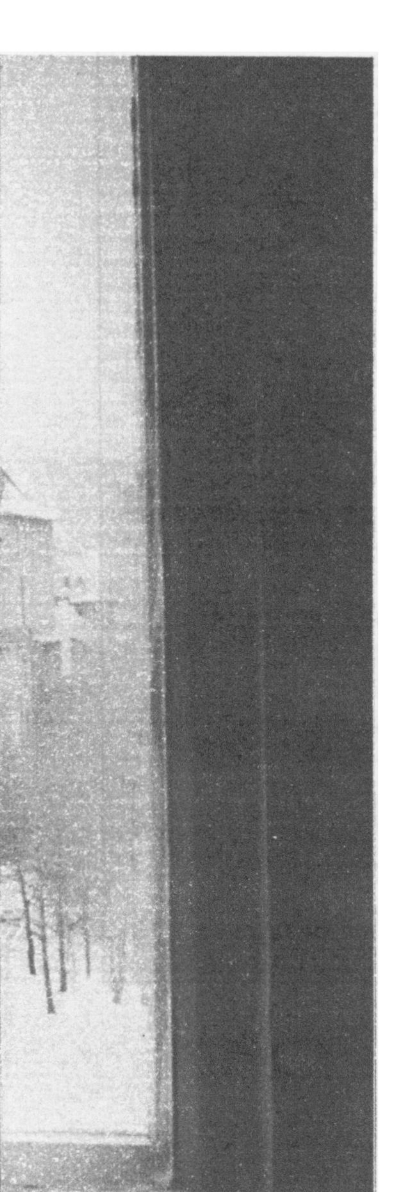
ИЗБРАНА ДЕЛЕГАТОМ СЪЕЗДА

СКАЖИ ЭТО ЧЕСТ

В мир мои окна глядятся: Ида Моруденко и Галя Богданова.

НО...

Делегат XXVII съезда партии бригадир маляров Г. Н. Федорова побывала в бригаде каменщиков Г. Н. Павлова.

Пироги сегодня мамины.

З. КРЯКВИНА,
фото А. НАГРАЛЬЯНА

Сказочным обаянием глубокой старины веет от новгородского кремля. Свыше девяти веков стоят его седые стены, гордые соборы с куполами, похожими на шлемы былинных богатырей.

Экскурсовод по новгородскому кремлю у меня сегодня несколько необычный — Галина Николаевна Федорова, человек, можно сказать, от искусства далекий по роду занятий и должности (она бригадир маляров) и очень близкий по своему внутреннему складу, по той особой любви, которой любят кровное, родное.

Родилась Галя на новгородской земле, в тихой небольшой деревеньке Хмелевка, это в знаменитом Крестецком районе. Всякий знает русскую чудо-сказку — крестецкую белоснежную строчку, славится она за морями-океанами.

Отец умер рано: война на здоровье сказалась. Воспитывала единственную дочку мать, Мария Николаевна. Работала она сучкорубом, чуть свет уезжала в лес. «Приходила мама домой уставшая, во всякую погоду трудилась на улице,— рассказывала мне Галина о своем детстве.— Было жаль ее, и я изо всех сил старалась ей помогать. Уйдет, я поросенку травы нарву, накормлю его, в огороде прополю, щепок на растопку принесу, а ближе к ее приходу картошку в шелушках сварю и чай вскипячу. Окучивали мы с мамой как-то картошку. Дело привычное, тяпаем да тяпаем, а мимо Люська, соседская девочка, идет, она на два года постарше меня была. Мама и говорит: «Гальк, Люська-то учится в строительном училище и не жалуется, иди и ты туда. И одежду дают, и кормят, окончишь, в Новгороде останешься, не будешь горбатиться со мной в лесу...»

Вот так и присоветовала мама дочке профессию маляра, а послушная Галинка, хоть и мечтала втайне учительницей быть, не стала перечить и, окончив семилетку, поступила в СПТУ. Работала там в ту пору мастер производственного обучения Зинаида Трофимовна Скобелева. Очень душевная женщина, всему научила своих воспитанниц — и как маховую кисть перевязывать, и как кистью-ручником окошечко поаккуратнее выкрасить, а кистью-флечиком провести узенькую-преузенькую полосочку. Приглашала к себе домой, приучала стряпать, пироги ставить да печь и корила, если девчонки приходили на практику в заляпанных краской робах.

Не была отличницей Галя, из группы девчонок ничем особо не выделялась. Даже кудесник из кудесников не смог бы предсказать тогда, что из скромненькой, синеглазой девочки, выросшей в деревне и ничегошеньки не знавшей о специальности маляра, получится мастер, прославленный бригадир, что наградят ее двумя орденами Славы — II и III степени, изберут депутатом городского Совета, потом Верховного Совета республики, а в сорок лет назовут делегатом XXVII съезда партии.

В трудовой книжке Федоровой единственная запись: ССУОР № 230, трест № 48 «Новгородстрой». Работала маляром, семь последних лет бригадирствует. Девчата подобрались боевые. Я познакомилась с ними в общежитии арматурного завода. Это в Западном районе города, где новостроек сегодня больше всего. В центре высотных домов почти нет, чтобы не нарушать неповторимый архитектурный облик. А здесь один за другим вырастают многоэтажные зелено-голубые кварталы.

Девчата занимались ремонтом. Весело переговариваясь, Ида Моруденко, Галя Богданова и сама бригадир красили потолок в красном уголке. Нина Землякова трудилась над окошком, а остальные девчата подновляли пролеты лестниц. Бригада выступила с инициативой: задание трех месяцев — к 25 февраля! Это подарок съезду партии.

Мы стояли у свежевыкрашенного окна, за которым виднелись башенные краны, а девчата рассказывали мне о себе, о Гале, о Новгороде, о Западном районе, которого двадцать лет назад еще и в помине не было, сразу за железной дорогой немного частных домов, а дальше — поля, леса, снега. Чтобы добраться до совхоза Ульянова, люди часами ждали загородного автобуса, а теперь туда от конца улицы десять минут ходу.

Интересно живет бригада. Общественных поручений хоть отбавляй. Из шестнадцати человек — семь коммунисты. Есть своя партгруппа, четверо, в том числе сама бригадир,— студентки вечернего строительного техникума, те, кто помоложе, учатся в вечерней школе. Воспитывают детей, ездят на экскурсии, ходят в театры, кино. И при этом неуклонно перевыполняют главный пункт обязательств — досрочно сдают каждый объект. Обидно, правда, иногда получается, сказали мне маляры, не успевают генподрядчики и сантехмонтажники с начала года обеспечить фронт работ, и приходится в первом квартале всему управлению заниматься только капитальным ремонтом, а где-то во второй половине года наверстывать упущенное. Отсюда авралы, штурмовщина: иногда и по сыроватой штукатурке приходится красить, понимаем, что качество от этого страдает, а сроки поджимают, сверху требуют сдать объект. Вот мы и наказали Гале: будешь на съезде, скажи об этом честно.

В субботу Галина Николаевна пригласила меня на пироги, которые удались ей на славу. Правда, она все извинялась и с деревенской простотой все мои похвалы старалась переадресовать свекрови — Зинаиде Дмитриевне, которая в этот выходной приехала проведать сына с невесткой и внучку Лену.

Зинаида Дмитриевна все угощала чаем, но, признаться, меня больше увлекали ее разговоры. Говорили о молодежи, и Зинаида Дмитриевна, которой уже за семьдесят пять перевалило, горячилась.

— Да откуда вы молодежь-то знаете?— спросила я ее.

— О, да я всего насмотрелась,— скороговоркой, чуть нараспев, поновгородски, произносила она.— У меня прямо под окнами клуб, где собираются летом практиканты—парни да девки. Не спешат, скажу, на работу. Пешком не пойдут, хоть поле-то и рядом. В десять на машине на работу поехали, глядишь, без четверти двенадцать опять вот они, уже на обед припожаловали. Два часа обедают, потом снова машину ждут. Зарплата-то хорошая у всех, а они ее не отрабатывают, как следует. Мы, бывало, за пять-шесть километров пешком шли, а за труд причитались палочки — трудодни. И не приведи бог кому с поля уйти прежде, чем не соберем все льняные снопики в кучу, на случай дождя...

— Мама, но не вся же молодежь так работает?!

— А я не за всех... А вот в нашем колхозе плохо, показатели вниз идут, да и откуда хорошо-то будет, если сам председатель до пенсии дорабатывает. Скажут вот ему, не выходит Богданов второй день на работу, а он: ну и ладно!.. Бригада-то твоя хорошо работает, я многих знаю. И с Галей Седлецкой знакома и с Ниной — как ее фамилия, забыла,— что с мальчонкой к нам всегда приходит...

— Землякова.

— Она самая, а муж Веры Друговой по пирогам меня побивает — лучше печет, я только тогда и выигрываю, когда у себя в дому в русской печке испеку, не то что на газе, вкуснее получается... Дружные девчата, ничего не скажешь, выбрали Галю делегатом-то, пришли, все поздравляют ее, а я ей и говорю: нос-то не задирай, их тоже в том заслуга. Вдвое теперь сама работай...

Олекса ЮЩЕНКО

ПЛАНЕТА-МАТЬ

Имя Матери-героини А. А. Деревской присвоено одной из малых планет.

Еще не все открыто в мире этом,
Но постепенно отступает мгла.
Мать-героиня новую планету
Своим нетленным именем зажгла.

Высоко слава материнства блещет
Ярчайшею звездой среди светил:
В ней не пыланье сполохов зловещих,
Не буйство диких, неуемных сил.

Она вся нежность, и любовь, и ласка,
Она всегда заботится о том,
Чтоб сердце завораживала сказка
И согревала солнечным теплом.

Ее любовь — негаснущая сила,
Она несла невзгоды тяжких дней
И, как своих, чужих детей растила,
Им отдавала жар души своей.

Земною славой и небесной славой
Планета пламенеет в вышине,
Простое слово песней величавой
Плывет на нестихающей волне.

И звезды говорят между собою,
И нам понятны голоса планет,
Над космоса бездонной глубиною
Не угасает вечной жизни свет.

Планета имя матери вздымает
До самых ослепительных высот,
Летит меж звезд, и красота земная
Еще сильней пред нами предстает.

Все женские заботы и волненья,
Всю нежность материнского тепла,
Всю простоту земного повседневья
Она в себя волшебно вобрала.

Планета-мать! Ты высишься над нами,
И там, куда наш дух тебя вознес,
Мне видится мерцающее пламя
Твоих до срока поседевших кос...

Отрывок из поэмы «Роменская мадонна».

Авторизованный перевод с украинского Леонида ВЫШЕСЛАВСКОГО.

Павел БОГДАНОВ

ДАЛЬ СВЕТЛА...

Новый день встречаю на планете.
Даль светла, просторна, высока.
Разнолесье, разнотравье, разноцветье.
Бело-сине-алы облака.

Отчего ж тревога сердце гложет?
Неспроста она, ох, неспроста,
Потому, что в смертный пепел может
Превратиться эта красота.

Оттого, встречая день планеты,
Я с тревогой думаю о том,
Чтоб грядущий день Земли был светел,
А не стал ее последним днем.

Пусть Земля, возделанная нами,
Воздает сторицей за труды —
Закрома пусть полнит семенами,
Дарит нам и злаки, и плоды.

Пусть она становится красивей.
Мы ее от бед убережем,
И теплей Гольфстрима с Куросио
Собственным дыханьем обоймем.

Чтоб всегда так было на планете:
Даль светла, просторна, высока.
Разнолесье, разнотравье, разноцветье.
Бело-сине-алы облака...

Константин ЛОМИА

У ПОДНОЖЬЯ ЭЛЬБРУСА

Адаму Шогенцукову

Я здесь, у Эльбруса... Из камня его
Бьет древний источник. По скалам струится.
У нартов в гостях я... И прежде всего
Хочу их воды богатырской напиться.

Хочу я у предков своих во дворе
О прошлом подумать, что тайной одето...
Здесь зелень повсюду, здесь мох на горе,
Здесь даже и камни зеленого цвета.

Плывут, как и плыли во мраке веков,
Тяжелые темные тучи степенно,
Таятся потоки в тиши ледников
И рвутся на волю из белого плена.

Эльбрус возвышается в центре двора —
Двора богатырского сказочных нартов:
Они здесь шумели... А ныне пора
Хозяев иных — и свершений, и стартов.

И ныне к подножью Эльбруса текут
Людские потоки... И я, как хозяин,
Как нартов потомок, встречаю их тут,
На месте сегодняшних, новых дерзаний...

Здесь тонут дворцы в синеве высоты,
Висят облака, как белье на балконах,
А стекол хрустальных, прозрачных пласты
Блестят и сверкают, как льдины на склонах.

Дерзнувший взбираться на грузный Эльбрус
Быть должен выносливым, стойким и ловким.
Я вижу: неся за плечами свой груз,
Ползут альпинисты по тоненькой бровке.

Погода всегда ненадежна в горах,
А сколько препятствий во время похода!
Но путь не прервут их усталость и страх,
Суровый Эльбрус и дурная погода.

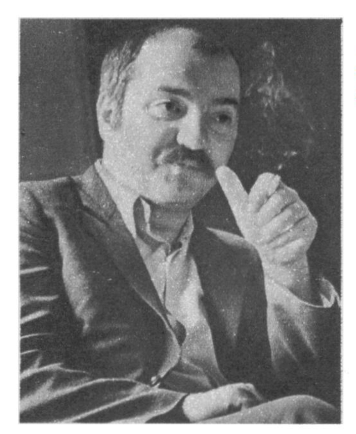
Все движутся вверх неуклонно друзья,
Душою и телом единые в связке,
По снегу, по скалам — цепляясь, скользя,
Могучие, как исполины из сказки.

Их дружбу Эльбрус испытаньям подверг,
Но дружбы следы здесь навеки остались...
Здесь — древность и новь... И я вижу, как вверх
Идут альпинисты — как нарты, не старясь.

Я здесь, у Эльбруса... Из камня его
Бьет древний источник... По скалам струится...
У нартов в гостях я... И прежде всего
Хочу их воды богатырской напиться.

...Срываются с грохотом горные воды,
И вторят расщелины грохоту вод...
Мне кажется, нарты идут из похода
Иль вновь по ущелью пустились в поход.

Перевела с абхазского Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

ДЕЛО ПАРТИИ — НАШЕ ДЕЛО

Роберт СТУРУА,
народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, главный режиссер театра имени Руставели.

Бить в колокола

Моего деда звали Вано Стуруа. Старым коммунистам памятно это имя. Он был рабочим железнодорожных мастерских в Тбилиси, чинил паровозы и вагоны. Через марксистский кружок вошел в революционное ядро социал-демократов. Его партийный стаж с 1896 года. Потом уже, при Советской власти, был членом ЦКК ВКП(б), членом ЦИК СССР. Я деда не видел: родился в 1938 году, его уже не было на свете.

Почему я вспомнил деда? В нашей семье не было культа личности Вано Стуруа. Никто не «размахивал» этим именем, не стремился извлечь из этого имени выгоды лично для себя, не внушал детям, вот, мол, какой у них заслуженный дед!.. Просто старались, как я теперь понимаю, сохранить память о нем. Помнили и передавали внукам культуру скромного и порядочного поведения.

В партию я вступил через семьдесят лет после деда! Когда я был уже в театре имени Руставели, где приступил к самостоятельной режиссуре. Не знаю, может быть, «пепел Клааса» стучал в моем сердце. Может быть, мне повезло, что грузинский театр всегда был театром современника. И мне кажется, что здесь я нашел свое место в борьбе, ибо глубоко убежден, что борьба за чистоту революционных идеалов продолжается. И будет продолжаться!

Не представляю себе театра, не идущего в ногу со временем! Нас волнует то, что и всех честных советских людей, что волнует партию. Не представляю себе актерского коллектива, не чувствующего себя постоянно на трибуне! Да, мы должны воздействовать на ум, честь и совесть современников.

Наш театр старается говорить зрителям правду. Делаем это в романтическом стиле. Мы, «шестидесятники», пришедшие в театр сплоченной группой, боремся против лжеромантизма. Но пафоса не боимся. Когда ты говоришь жестокую правду, в этом и есть истинный романтизм, потому что правда сама по себе приносит добро. Этим она красива.
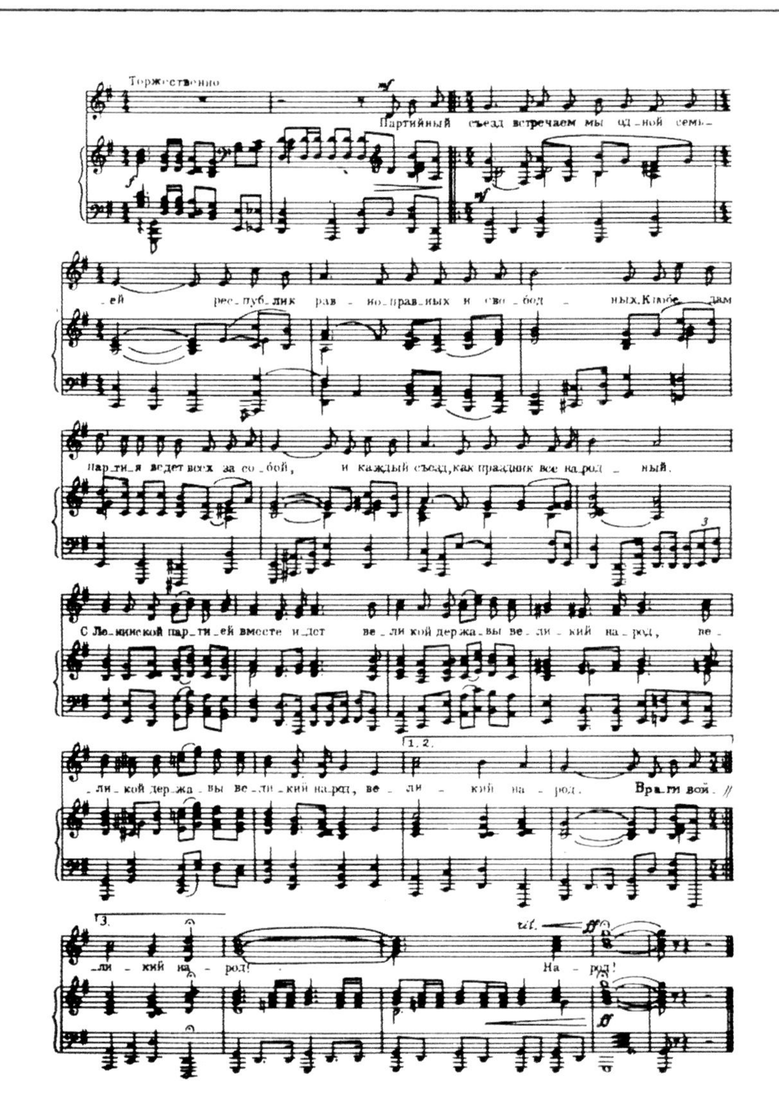
Все то, о чем сегодня открыто говорят нам ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК товарищ М. С. Горбачев, к чему зовут, что осуждают, все это очень крупно и важно для общества! Нам надо бить в колокол, а не трясти в руках неслышным звоночком!..

Мы сейчас готовимся к большому и радостному событию — XXVII съезду КПСС. Нет нужды перечислять то, что наш театр сделал за последние годы. Это сделано. Перемены в республике, вызванные новыми программными предсъездовскими документами партии, вызвали у нас желание иметь в репертуаре остросюжетную пьесу на злобу дня. Мы создали ее вместе с драматургом Амираном Чичинадзе, и вот выпустили премьеру. Делегаты XXVII съезда Компартии Грузии стали первыми ее зрителями. Пьеса называется «Концерт для первых скрипок в сопровождении восточных инструментов». Правда, название несколько претенциозно. Зато оно точно выражает форму: сначала длинный диалог двух ответственных работников (уходящего и пришедшего на руководящий пост), потом вступает «оркестр» из их окружения. И все это связано восточными притчами, в которых звучит непреходящая народная мудрость.

Ну вот, например, одна из притч. Длинной веренице людей вменено в обязанность наполнять из своих кувшинов бассейн молоком. Наполняли они его, как оказалось, водой. Когда это выяснилось, спросили последнего человека с кувшином: зачем он так поступает? Я думал, ответил тот, что все льют молоко и только один мой кувшин с водой. Надеялся, никто не заметит...

Вот так порою льем воду вместо молока. Делаем видимость работы. Вместо работы! Уповаем на других вместо того, чтобы лично отвечать за то, что тебе поручили. Сколько подобного развелось и среди «скрипок» и в массе «инструментов»! А ведь это лишь часть того, чему объявлен бескомпромиссный бой...

Так давайте в меру своих сил бить в колокола! Давайте освободим наше общество от всего, что было чуждо тем, кто создавал нашу партию, кто искренне верил в революционные идеалы.

Праздник всенародный

Стихи Сергея БЕНКЕ **Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА**

Партийный съезд встречаем мы одной семьей
Республик равноправных и свободных.
К победам партия ведет всех за собой,
И каждый съезд как праздник всенародный.
С ленинской партией вместе идет
Великой державы великий народ.

Враги войною с первых дней пугают нас,
А мы за прочный мир над всей землею.
И наш призыв ко всем народам в грозный час:
Покончить надо навсегда с войною!
С ленинской партией вместе идет
Великой державы великий народ.

Нас никому и никогда не запугать!
Нам есть чем защитить Страну Советов.
Мы планы партии готовы выполнять,
В решеньях съезда — Ленина заветы.
С ленинской партией вместе идет
Великой державы великий народ.

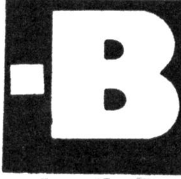

Активно осуществляет переход на рельсы интенсификации коллектив Московского ордена Трудового Красного Знамени завода автоматических линий имени 50-летия СССР. Возглавив соревнование за достойную встречу XXVII съезда КПСС, коммунисты повышают личную ответственность за дело, активно утверждают непримиримость к недостаткам, эффективно воздействуют на все стороны жизни коллектива.

Олег ШМЕЛЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ИЗ РАЗГОВОРА С СЕКРЕТАРЕМ ПАРТКОМА

Виталий Федорович, даже неспециалисту понятно, что при нынешнем курсе, взятом экономикой в целом и машиностроительной промышленностью в частности, ваш завод, если можно так выразиться, действует на направлении главного удара.

— Можно считать и так. Мы головное предприятие Московского производственного объединения по выпуску автоматических линий и специальных станков.

— В предсъездовских документах есть разделы, которые непосредственно касаются вас?

— Строго говоря, все нас касается, как и всякого человека и каждого завода. Все неразрывно связано между собой. Но если говорить чисто профессионально, то в проекте Основных направлений есть несколько пунктов, которые прямо обращены к нашему заводу.

— Что именно?

— Ну, например, надо во всей промышленности за пятилетие поднять уровень автоматизации производства примерно в два раза. Наш завод для того и существует, чтобы другие предприятия оснащались автоматическими комплексами. Так что этот пункт мы приняли как свое конкретное задание.

На заводе достигнута такая степень общей квалификации, что наши инженеры, мастера, рабочие способны решать самые сложные проблемы.

— А как это выглядит, если сравнивать с высшими в вашей отрасли мировыми достижениями?

— Вот вам хотя бы один пример. Не так давно КамАЗ обратился к нам с просьбой. На КамАЗе включили в автоматический комплекс иностранные станки. А мы как раз у себя такие же делаем, для тех же операций. Наши по техническим данным лучше тех. Ну, они узнали, просят: поставьте нам такие станки. Или взять Ивановское производственное станкостроительное объединение. Видели в пятом цехе большие оранжевые станки? Это обрабатывающие центры. Из Иванова. На их основе мы планируем создать гибкие технологические комплексы.

— А к вам самим пункт об автоматизации как относится?

— В первую очередь. Не должен же сапожник без сапог ходить. У нас не везде поставишь линию, потому что приходится делать вещи, которые считают штуками,— у нас не конвейер.

СВЕЖИЙ

Наладчики Станислав Александрович Маркин и Владимир Владимирович Тюрин.

ВЕТЕР ДОРОГИ

Перед партийным собранием. Второй слева — секретарь парткома Виталий Федорович Спесивых.

Но мы, конечно, не можем обойтись без дальнейшего более широкого внедрения автоматизации. Мы, например, уже ввели в производство механизированный участок по резке металлов. В стадии ввода находятся три автоматические линии для никелирования деталей. Это резко сократит долю ручного труда.

Только такое направление позволит заводу выполнить свои планы. А они достаточно напряженные уже и в этой пятилетке. За пять лет мы должны увеличить объем производства в полтора раза — только за счет повышения производительности труда, при том же количестве рабочих рук... Так что люди у нас настроены серьезно.

— Чувствуется свежий ветер?

— Ну, может, это вы немного красиво говорите, но в общем — да, так оно и есть. Реальный взгляд на трудности, трезвая оценка своих возможностей.

— Всегда и везде первыми врагами всякого дела были отсутствие должной дисциплины и пустозвонство...

— Сами понимаете, там, где люди имеют дело с металлом, пустозвонство процветать не может. А в борьбе за дисциплину мы проводим жесткую политику. Главное средство тут гласность. Чтобы ни одно нарушение не оставалось скрытым. Никто, и в первую очередь коммунисты, не должен равнодушно отводить глаза, если видит непорядок.

Если кто-то прогулял, опоздал, допустил брак, а начальник участка, скажем, не пожелал выносить сор из избы, применяются строгие меры, вплоть до штрафа. И в первую очередь к начальнику участка. Это помогает и людям, и делу.

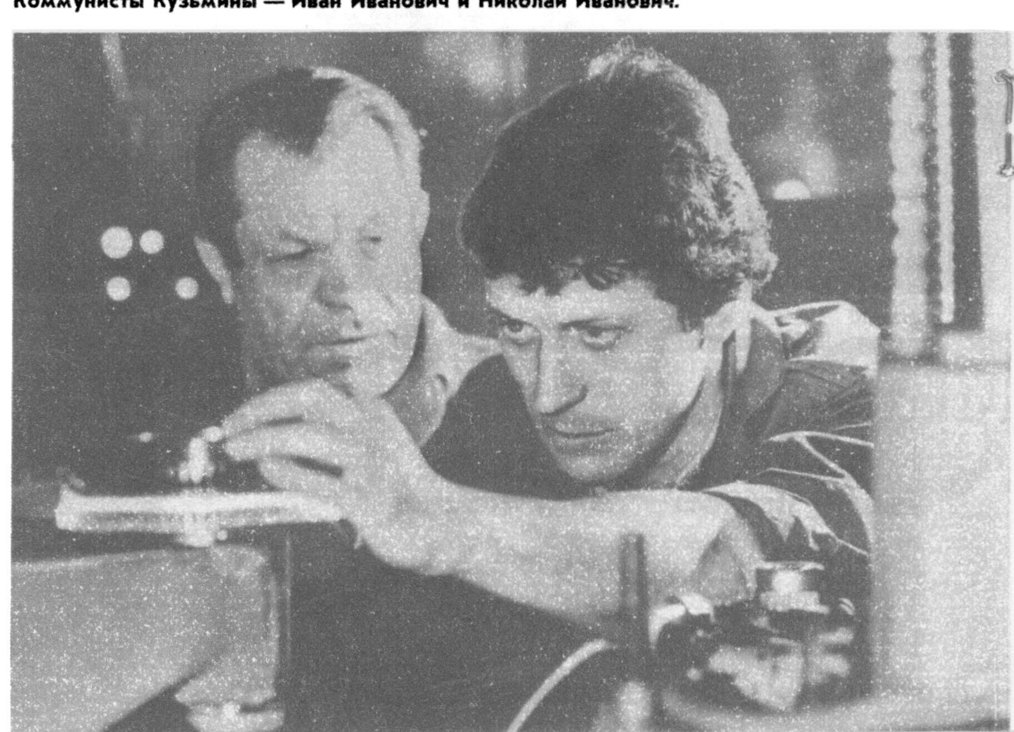
— Сейчас везде не хватает высококвалифицированных рабочих.

— Потому и поставлен так остро вопрос об автоматизации производства. Нет, лучше сказать, не только потому, но это одна из главных причин... Нас это тоже не миновало. Но у нас есть хорошая, верная опора — наши кадры. Мы смотрим в будущее с оптимизмом.

На приеме у генерального директора объединения Владимира Павловича Щербакова.

Коммунисты Кузьмины — Иван Иванович и Николай Иванович.

БРИГАДА

Девятнадцатилетний Иван Кузьмин не задумывался о своем отдаленном будущем даже в день Первого мая 1945 года. В тот день он впервые пробежал и прополз по асфальту и брусчатке берлинских мостовых. Если быть точным, то девятнадцати Ивану еще не сравнялось. Надо было еще четверо суток воевать до дня рождения, и неизвестно — довоюешься иль нет. Хоть и верили и знали: вот оно, еще немного!— но когда твои пушки бьют по цели прямой наводкой, а по тебе самому стреляют из всех видов оружия, в том числе и снайпера,— в такой обстановке как-то не думается о будущем, не располагает...

Иван попал на войну в знаменательное время. Уже все фронты переступили заветную черту, огненно прочерченную в сердцах и в мозгу летом сорок первого, извилистую, как молния, линию — государственную границу. Иван был как все. В его неокрепшей душе жила великая печаль: мать умерла в сорок третьем, отец пропал без вести на фронте в том же году, старший брат, Григорий, погиб еще в июне сорок первого, в первый день, а может быть, в первую ночь войны. Новобранец из лесной смоленской деревеньки Игнатково уходил в армию с горькой думой, что нет у него больше за спиной родного гнезда.

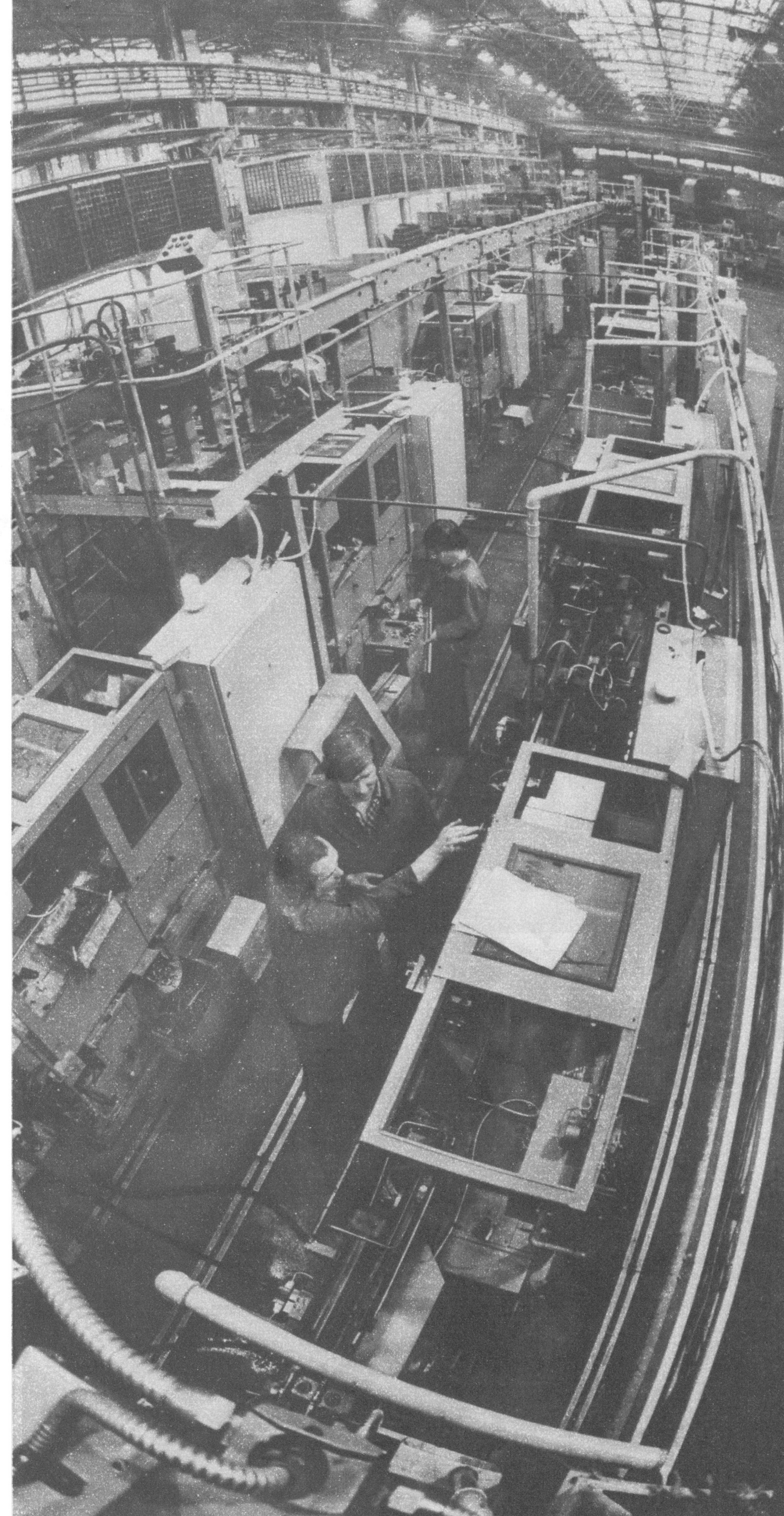
Иван стал служить связистом в артиллерии, на батарее 76-миллиметровых орудий. Эти дерзкие пушки работали в боевых порядках пехоты, как сорокапятки. По танкам, дотам, по крепостным стенам и фортам. Этих крепостей много повидали стволы Иванова полка в Восточной Пруссии, будучи в составе 3-го Белорусского фронта. А после передали полк в состав 2-го Украинского.

Так и добрался Иван до Берлина — где бегом, где на брюхе, оглохший от залпов своих и разрывов чужих. И отметил свой день рождения, как говорится, уже под мирным небом — выпил сам с собой полкружки неразведенного спирта. Настроение у ребят — лучше не бывает. Конец войне — по домам! И правда, многие поехали в Россию. Да не все. Иван-то, может, меньше других рвался скинуть погоны, ему и ехать-то было некуда, но и он с удовольствием бы вернулся в Игнатково. Однако судьба решила, что сменит Иван Кузьмин военную форму на гражданскую одежду не ранее как через пять лет. На политзанятиях это растолковывали понятно и доходчиво. Одна война кончилась — другая началась, «холодная». Она может превратиться и в горячую. Стало быть, нельзя всем враз по домам.

Гвардии сержант Иван Кузьмин демобилизовался в 1950 году. Куда податься? Дружок-москвич нахваливал Москву. Да и вообще кто бы от нее отказался? Тем более там и родня единая живет — тетка Шура, отцова сестра. Иван приехал в столицу.

И сошлось все так, что ему от этого завода деваться было некуда. Во-первых, сразу дали койку в общежитии. Во-вторых, производство понравилось. Завод носил тогда название «Подъемник», делал мостовые краны. Вот уж тридцать шестой год идет, давно у завода и название другое, и продукция совсем иная, как небо и земля против прежней, и дедом стал, а то утро первое, когда спецовку надел, в памяти стоит живое, словно вчера было...

И как об этом расскажешь? Тридцать пять лет не шутка. Сложить все железки, которые

Сборочный цех.

через руки прошли,— трактором не потянешь. А по-другому посмотреть — все очень просто.

В пятьдесят третьем Иван женился. Жена, Александра Семеновна, шестью годами моложе, тоже, между прочим, на заводе работает, начинала в термическом цехе. И тоже член партии.

Первого сына назвали Николаем, ему сейчас тридцать два, сам уже отец. Второй, Алексей, на три года моложе. После школы поступил Николай на завод, стал электромонтажником. Потом отслужил в армии и вернулся. Иван Иванович и Александра Семеновна были довольны: почти вся семья на одном месте, много удобнее жить, чем врозь, да и сын на виду; другое дело, что сыну это может как раз и не нравиться, да ничего, после оценит. Однако глаз родительский даже на огороженной территории не все видит. Стали доходить сначала, конечно, до Александры Семеновны, а потом и до Ивана Ивановича неприятные слухи: попал Николай в тесную компанию, выпивают. Отец с матерью пьяным сына не видели, но попахивать от него стало часто. Не дожидаясь, пока вмешается, так сказать, общественность и администрация, Иван Иванович принял свои меры. Поговорил с начальником цеха, сделал сыну внушение, и Николая перевели в четвертый механический, под ответственность отца. Тут работа намного строже. Сначала Николай освоил зуборезный станок, а скоро и зубошлифовальный. И стал работать неплохо. Вступил в партию.

С тех пор отец и сын вместе, в одной бригаде, а бригада состоит из трех человек. Третий — Сергей Кручинин, тоже после армии пришел, комсомолец. Для Ивана Ивановича вообще имеет важное значение, отслужил молодой человек срочную или нет. Так что своей солдатской бригадой он доволен, хотя искренно полагает, что главным в ней надо бы быть не ему, он уже староват для бригадирства.

На троих — десять зуборезных и зубошлифовальных станков. У каждого по две специальности, взаимозаменяемость полная. А к тому времени, уже недалекому, когда Иван Иванович соберется на пенсию, замену и ему найдут, пусть поначалу и неравноценную. А Иван Иванович под большие праздники — на май, в День Победы, на октябрьские,— чтобы не забыли его, будет приходить на завод — посмотреть, поговорить. И обязательно наденет все свои награды за войну и за труд — орден Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды. Да его и так не забудут...

В конце беседы Иван Иванович сказал:

— Вы не про одного меня пишите, а то скажут, Кузьмины всю славу забрали. У нас много хороших работников — и стариков вроде меня, и помоложе...

Недаром объединению на вечное хранение передано Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Вот уже шестьдесят один квартал подряд завод занимает первое место в отраслевом соревновании. Завод сам растит свою кадровую опору, и у молодых перед глазами — пример старших, начиная с генерального директора объединения. Владимир Павлович Щербаков в 1961 году работал наладчиком, потом стал инженером, начальником цеха, семь лет был главным инженером. Секретарь парткома Виталий Федорович Спесивых в 1952 году начинал диспетчером производственного отдела, потом семнадцать лет работал в конструкторском бюро. Видно, атмосфера здесь такая: коли пришелся человек заводу, он уже отсюда никуда не уйдет. Здесь вся его жизнь.

ЗАВОД — ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Не будем лукавить: люди выкладываются на работе не из одного лишь энтузиазма. Тут заработки очень хорошие: триста в месяц — не редкость, а если постараешься — можно и четыреста. Но, если дозволено так выразиться, нельзя лукавить и в обратную сторону. Поставь человека одну гайку заворачивать восемь часов кряду одним ключом, дай ему тыщу — он через год или спятит, или запьет, или плюнет и сбежит, допустим, на двести «рэ», лишь бы ему там не одними руками шевелить, а еще хотя б какими-то извилинами в голове.

Во Дворце культуры открыта студия бальных танцев.

В гостях у шефов — в Московском театре имени Маяковского. Народную артистку РСФСР Наталью Гундареву хорошо знают на заводе.

Московский ордена Трудового Красного Знамени завод автоматических линий имени 50-летия СССР тоже испытывает потребность в специалистах высокой квалификации, несмотря на то, что у него есть свое профессионально-техническое училище, но сильная текучесть кадров ему не угрожает. Тут людям работать интересно. Бывает так: конструкторы вычертят новую модель, технологи разработают цепочку операций для ее воплощения в металл, а рабочий попробует деталь точить — не очень-то получается. И технологи, хоть и не шибко иной раз опытные, вроде не виноваты: за столом можно что угодно нарисовать, а на станке резцом по детали совсем по-другому «рисуют». Рабочему необходимо и самому подумать...

Завод уверенно вступил в новую пятилетку. И опора есть, и опыт, но легкой дорога не будет. Все понимают: надо постоянно прибавлять и прибавлять, иначе того, что намечено, не достигнешь. Все службы нацелены на одно: чтобы каждый мог работать с полной отдачей, а где нужно — и сверх того. Житейски глядя, положение ясное и простое: для завода — значит для людей. С этой точки зрения великолепный Дворец культуры тоже считается полноправной заводской службой, а то, что он стал устраивать по воскресеньям вечера отдыха, может оказаться одним из средств повышения производительности труда, как и встречи рабочих с шефами — артистами Московского театра имени Маяковского.

Многое решилось бы, если бы удалось наладить полносоставную вторую смену. Ради этого желающим обеспечили бесплатное питание, договорились с городскими транспортниками об удобных автобусных маршрутах, но пока такую полноценную вторую смену, какую помнят старики, скомплектовать трудно.

Но главное все же — настроение людей. Говоря об оптимизме, секретарь парткома выражал мнение шестисот коммунистов, своих товарищей.

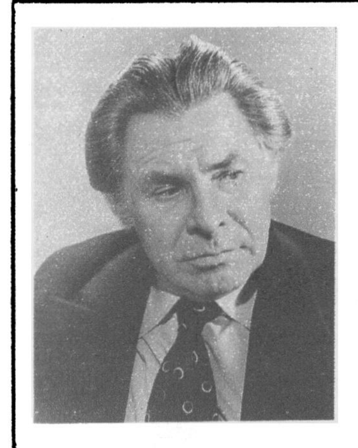
Есть у завода и у объединения в целом проблемы, касаться которых в недолгом разговоре было бы просто несерьезно. Они завязаны в один узел с общими проблемами отрасли и возникли не вчера. Важно то, что люди полны желания наконец решить их и ищут для этого конкретные, деловые пути.

В предсъездовские недели рабочие будни цехов были обычны. Но близость съезда чувствовалась во всем. Особенно ощущалось это в дни работы XXVI конференции Московской городской партийной организации. Бескомпромиссная постановка вопросов укрепляет уверенность в том, что на верном пути любые трудности преодолимы.

Все люди, коммунисты и беспартийные, ждут съезда с обостренным сознанием личной причастности к благотворным переменам, происходящим в нашей жизни.

Семья расточника А. В. Ивойлова.

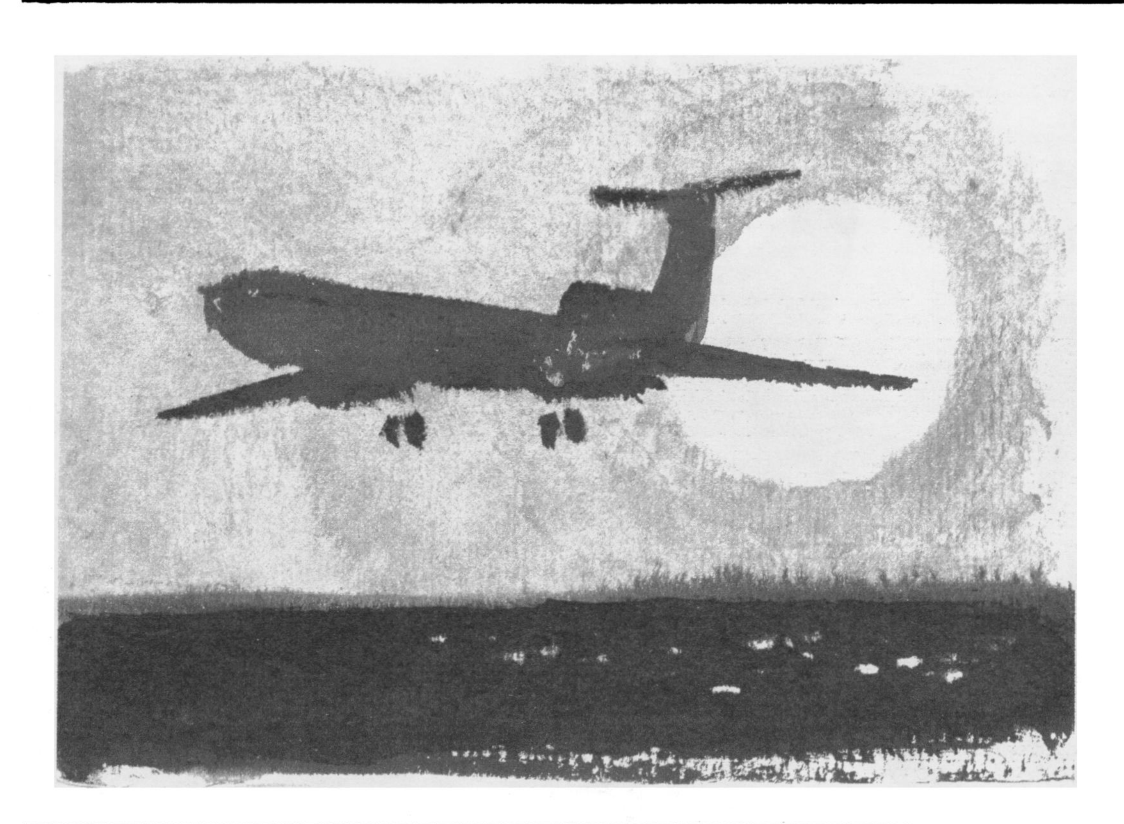

Евгений НОСОВ

Распахнутая душа

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧЕРНИЙ РЕЙС

Уже на́двечер самолет взлетел над Быковом и взял курс в нашу, южную сторону.

На высоте трех тысяч метров мы снова увидели солнце, которого там, внизу, когда нас провожали на посадку, уже не было. Снова показавшись над горизонтом в полдиска, оно багрово осветило правый борт и залило салон тревожным отсветом. Был как раз тот момент, когда с земли, уже окутанной сумерками, мы, летящие в пустынном вечереющем небе, кажемся загадочным раскаленным крестиком.

Здесь еще можно было читать без плафонов, и кое-кто зашуршал страницами. Но я никогда не занимал себя чтивом в дороге, особенно в поезде. Для меня самая лучшая, самая интересная книга — за окном.

Мое место оказалось у иллюминатора по левому борту, откуда закатный свет не мешал смотреть вниз. Я рассчитывал взглянуть на осенние, в разгаре золотой поры березовые леса, которые здесь, под Москвой, пока еще не редкость. Даже с такой высоты должны быть видны их пространные огненные разливы с прожилками дорог, просек и лесных речек. Но под крылом уже надвинулась легкая, кисейная синева, постепенно густеющая к востоку, где небо, готовясь к ночи, обрело свою отрешенную аспидность. Там, под его merклым покровом, уже зажглись первые огни и пунктирно обозначились невидимые дороги бегущим светом автомобильных фар.

Минут через пятнадцать полета впереди по курсу в загадочной сини земли молнией взблеснула река. По широким, плавным извивам, свойственным большим рекам, я узнал Оку. И сразу же отвесно внизу начал ртутно поблескивать, суетливо петлять левый ее приток — Нара. То, что это на самом деле была Нара, подтверждалось знакомым скоплением огней вблизи ее устья.

— Уже Серпухов,— сказал я тучному соседу, перекатывавшему во рту взлетную карамельку.

— Ну?! Не может быть!— сосед взглянул на часы.— Мы же только что взлетели.

— И все-таки Серпухов,— настаивал я. Уж что-что, а Серпухов-то ни с чем не мог спутать: в сорок пятом я полгода провалялся в одном из его госпиталей. Да и что там путать: где Ока и Нара, там и Серпухов.

— Если это уже Серпухов,— возразила женщина позади меня,— то что же тогда вон то?.. Видите, впереди?

Действительно, мы еще не потеряли из виду первое скопление огней, как впереди, сначала неясным желтоватым заревом, а потом и бисерной россыпью обозначился другой город.

— Тогда что это, по-вашему?

— Надо думать, это Таруса.

Салон оживился. Сидевшие по борту припали к иллюминаторам.

Все оживленно заговорили, заспорили. Уж слишком невероятной казалась такая сиюминутная близость городов.

В конце концов вызвали бортпроводницу. Та выслушала суть разногласий, улыбнулась и отправилась к пилотам. Но пока она там выясняла, а пробыла она в пилотской не более двух-трех минут, самолет уже летел над вторым светящимся очагом.

— Да, товарищи,— объявила она.— Пять минут назад мы пролетели над Серпуховом. Сейчас под нами Таруса. А впереди уже виден Алексин. Только, пожалуйста, не вставать, всем сидеть на местах.

— Да, правда, впереди опять виден город,— как-то потерянно удивилась женщина за моей спиной.— Какая все-таки маленькая наша земля... Даже не по себе как-то...

Я забыл сказать, что возвращался с большого форума в защиту мира. Там тоже было много сказано о малости и беззащитности нашей планеты. Когда об этом говорят сразу столько авторитетов на многих языках, на душе становится неуютно и тревожно от приведенных цифр и фактов. Но даже тогда так остро и зримо не почувствовал этой малости, как сейчас, когда видел под собой почти сразу три русских города. Живя там, внизу, привычно пользуясь земными мерками, преодолевая земные версты, порой такие трудные и обессиливающие, мы с самого детства обманываемся огромностью нашей обители, ее туманными далями и расстояниями. А она, оказывается, так мала и все ее километры так преодолимы!

И в наполнившемся сумерками салоне надолго воцаряется сдержанное безмолвие.

ТРАВНЫЙ ВЕТЕР

В послевоенную неустроенную пору откололась от родной деревни тетушка моя Валентина. Не выдержала молодая девка лебеды, завербовалась, куда глаза глядят, и завез ее радетель — оргнабор аж в озерно-скальную Карелию. Там она заделалась заправским подрывником, нажила семью и до самой пенсии и в снег, и в дождь прочертоломила в каменном карьере. Ходила она в заклеклой брезентовой робе, железной каске поверх платка

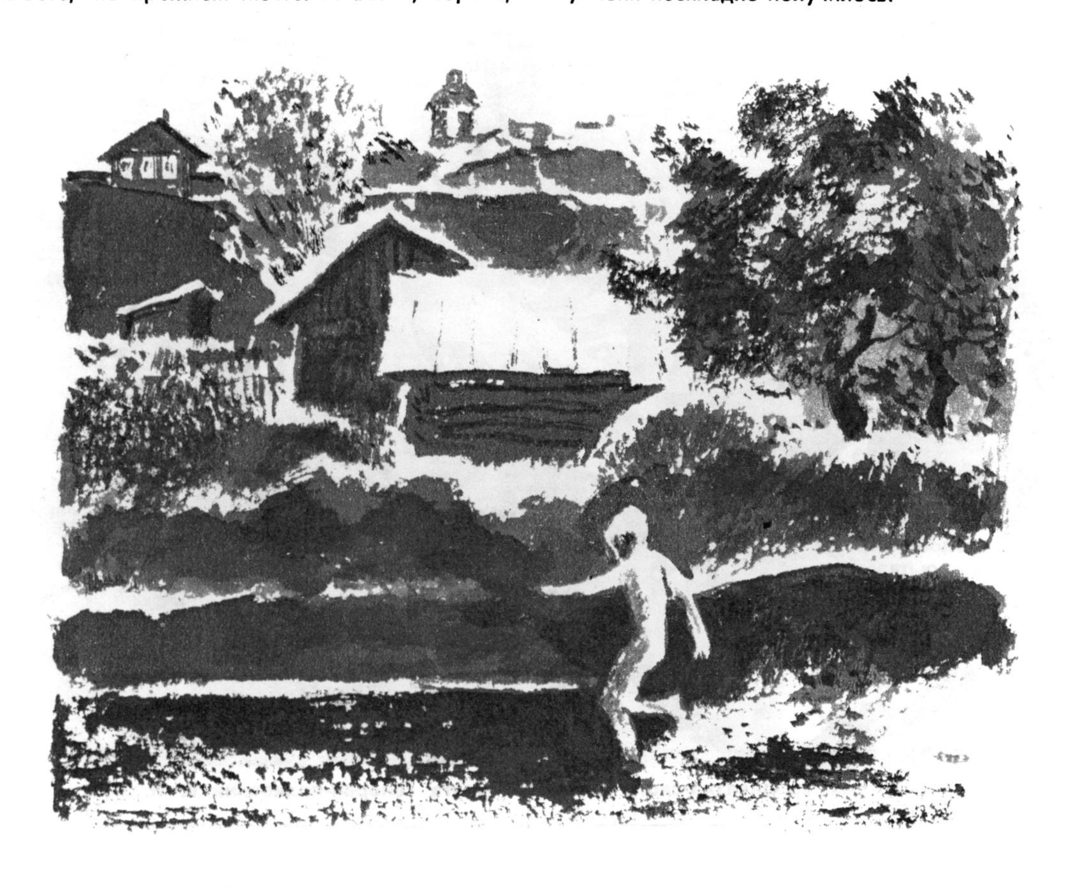
и с милицейским свистком на шее, дабы никто не угодил под тротиловую шашку. Ушла на заслуженный вся простуженная, держась за негнущуюся поясницу, охая и шутейно припевая: «Долго будет Карелия сниться...» И лишь тогда только наконец вырвалась на родину — через тридцать шесть лет!

Ну, конечно, воды за это время утекло много. Приехала в прежнюю свою деревню, сама никем не узнаваемая, ничего и никого не узнавая: все переменилось, перестроилось, ни одного знакомого дома на деревне, ни одного знакомого лица... Собаки — и те все другие. Глядит вокруг тетка Валентина, волнуется, силится что-то вспомнить, вздыхает горестно, и слезы непроизвольно катятся по ее заветренному широкому лицу, капают за тучную пазуху.

— Ох, девки милые! — всплескивает она руками.— Хорошо-то у вас как! И все скопом живете, на прежнем месте. А вот я, сорока, куда залетела... Да чего теперь, жизнь прошла-пробежала. Там у меня дом, внуки, корова теперь рогами в дверь тычется, хозяйку ждет. А все ж душа моя напополам разрывается. Тут-то мне все роднее. Вон и небушко без хмари, и ветер наш, травный, покосный. Чуете? Живой чебрец!

Она шумно, глубоко вздыхает, ловит распахнутым ртом, всей грудью полуденный ветер и, не вытирая слез, говорит:

— Вот полечу обратно, теперь, видать, уж насовсем. Не свидимся больше. Ничегошеньки мне не дарите на прощанье, ничего мне не надо, все у меня есть: шмутки, полированная скарбота... Только дайте набрать землицы! Хоть горсточку, хоть щепотку. Я ж по ней бегала босой да несмышленой. А теперь и мама наша под ней лежит... Повезу с собой жменьку — хоть когда прикоснусь, понюхаю. А не то в слабую минутку потужу-погорюю, что так у меня нескладно получилось.

МАЛАЯ РОДИНА

Вот пишут: малая родина... Что же это такое? Где ее границы? Откуда и докуда она простирается?

По-моему, малая родина — это окоем нашего детства. Иными словами то, что способно объять мальчишеское око. И что жаждет вместить в себя чистая, распахнутая душа. Где эта душа впервые удивилась, обрадовалась и возликовала от нахлынувшего восторга. И где впервые огорчилась, разгневалась или пережила свое первое потрясение.

Тихая деревенская улица, пахнущий пряниками и кожаной обувью тесный магазинчик, машинный двор за околицей, куда заманчиво пробраться, тайком посидеть в кабине еще не остывшего трактора, потрогать рычаги и кнопки, блаженно повдыхать запах наработавшегося мотора; туманное таинство сбегающего под гору колхозного сада, в сумерках которого предостерегающе постукивает деревянная колотушка, гремит тяжелой цепью рыжий репьистый пес. За садом — змеистые зигзаги старых, почти изгладившихся траншей, поросших терновником и лещиной, которые, однако, и поныне заставляют примолкнуть, говорить вполголоса... И вдруг, снова воротясь к прежнему, шумно, наперегонки умчаться в зовущий простор луга с блестками озерков и полузаросших стариц, где, раздевшись донага и взбаламутив воду, майкой начерпать в этом черном киселе чумазых карасей пополам с пиявками и плавунцами.

И вот наконец речушка, петлявая, увертливая, не терпящая открытых мест и норовящая улизнуть в лозняки, в корявую и петлючую неразбериху. И если не жалеть рубах и штанов, то можно продраться к старой мельнице с давно размытой плотиной и обвалившейся кровлей, где сквозь обветшалые мостки и в пустые проемы буйно бьет вольный кипрей. Здесь тоже не принято говорить громко: ходит молва, будто и теперь еще в омуте обретается мельничный водяной, ветхий, обомшелый, и будто бы кто-то слыхал, как он кряхтел и отдувался в кустах, тужась столкнуть в омут теперь уже никому не нужный жернов. Как же не пробраться туда и не посмотреть, страшась и озираясь, лежит ли тот камень или уже нет его...

За рекой — соседняя деревня, и забредать за реку не полагается: это уже иной, запредельный мир. Там обитают свои вихрастые окоемщики, на глаза которых поодиночке лучше не попадаться...

Вот, собственно, и вся мальчишеская вселенная. Но и того невеликого обиталища хватает куда с лихвой, чтобы за день, пока не падет солнце, набегаться, наоткрывать и навпечатляться до того предела, когда уже за ужином безвольно начнет клониться опаленная солнцем и вытрепанная ветром буйная молодецкая головушка, и мать подхватывает и несет исцарапанное, пахнущее рогозом и подмаренником, отрешенное, обмякшее чадо к постели, как с поля боя уносит павшего сестра милосердия.

И видится ему сон, будто взбирается он на самое высокое дерево, с обмирающим сердцем добирается до вершинных ветвей, опасно и жутко раскачиваемых ветром, чтобы посмотреть, а что же там дальше, где он еще не бывал? И вдруг что-то ломко хрустит, и он с остановившимся дыханием кубарем рушится вниз. Но как бывает только во снах, в самый последний момент как-то так удачно расставляет руки, подобно крыльям, ветер упруго подхватывает его, и вот он уже летит, летит, плавно и завораживающе набирая высоту и замирая от неописуемого восторга.

Малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения.

БАГЕТ

Готовилась какая-то тематическая выставка. Выставком оповестил художников, чтобы представили свои работы для предварительного отбора.

Один мой знакомый, застигнутый врасплох этим мероприятием, принялся чесать затылок: мол, нет ничего подходящего. А все, что есть, уже много раз выставлялось. Думал-думал, наконец, раскопал в ворохе старых этюдов какой-то давно набросанный неказистый мотивчик, срочно стал переписывать заново.

— Ну как? — спросил он, ревниво следя за моими глазами.

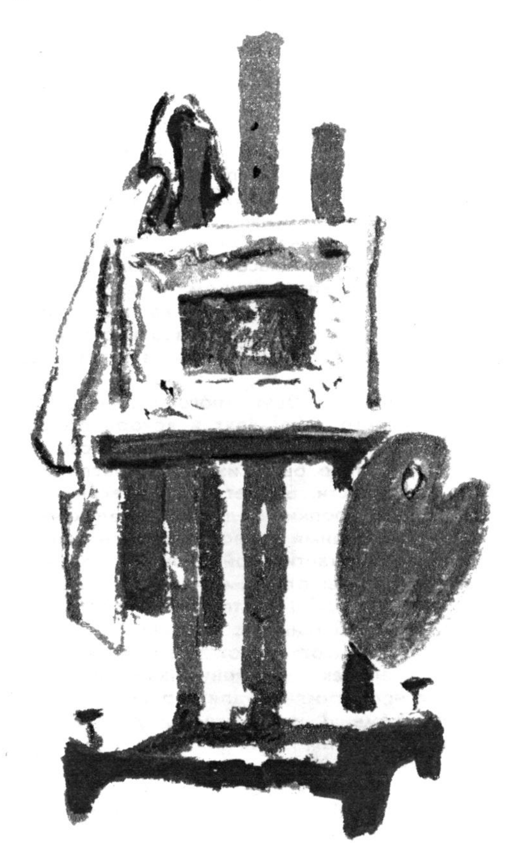
На мой взгляд, работа не получилась, даже оказалась хуже, чем была на старом этюде, и я прямо сказал ему об этом.

Тогда он напилил массивного, в ладонь шириной багета с замысловатой лепниной, с чернением под именитую старину и обложил им свою неудавшуюся картинку.

— А теперь?

Он смотрел на меня с надеждой, а мне подумалось, что и у нас, в литературе, иной раз тусклые, невыразительные творения вот так же обкладывают именитым багетом из всяких званий и чинов.

Часто по прошествии лет в памяти остается одна только золоченая рама...

СМОТРИ И РАДУЙСЯ

В конце апреля, в еще голом, сквозном лесу, на возвышенных прогретых местах сквозь жесткую кожистую подстилку пробивается сон-трава. На нежных, опушенных стеблях, как бы еще не окрепших от перворождения, поникше дремлют крупные сине-фиолетовые цветы. Об эту пору растеньице еще без единого листочка: просто стебель и на нем — цветок. Сон-трава так и зимовала под снегом, под опавшими древесными листьями с уже готовым бутоном, с тем, чтобы, пока вокруг еще нет ни одной травинки, первой пробиться

к солнцу, поскорее развернуть бутон и понежиться, подремать в ласковых вешних лучах. Ничего подобного этой яркой, праздничной сини нет во всем пока еще не прибранном, буро-жухлом лесу, и потому так радостно изумишься, когда еще издали, за много шагов, увидишь это диво весны.

Рвать цветок нельзя. Он и сам по себе трепетно-нежный, неприкасаемый и даже под бодрящим апрельским солнцем не в силах приподнять дремотно опущенной головы. Если же его сорвать, то он тут же безвольно поникнет и уснет навсегда... Оттого и назван так: сон-трава.

Но вот все-таки рвут многочисленные посетители вешнего леса! Рвут и вскоре бросают. Бросают из-за этой нежной неприкасаемости растения, а стало быть, из-за его бесполезности и ненужности. Бывает, в воскресный день все лесные тропки, ведущие к электричке, усыпаны завядшими и растоптанными цветами.

А ведь с меркантильной меркой (полезное—бесполезное) мы относимся не только к природе. Это потребительство ныне распространилось и на общение с человеком. Прежде всего прикидывают: что от этого можно иметь? Нужный человек или ненужный? Можно извлечь из него что-либо для карьеры, «для дома, для семьи»? Или хотя бы для гаража?..

Больше того, так стали выбирать себе жениха или невесту...

Рвут и вскоре бросают. Рвут и бросают...

А ведь еще бабушка моя говаривала: смотри, радуйся и не тащи в рот...

Командующий войсками Среднеазиатского военного округа генерал-полковник В. Н. Лобов на занятиях.

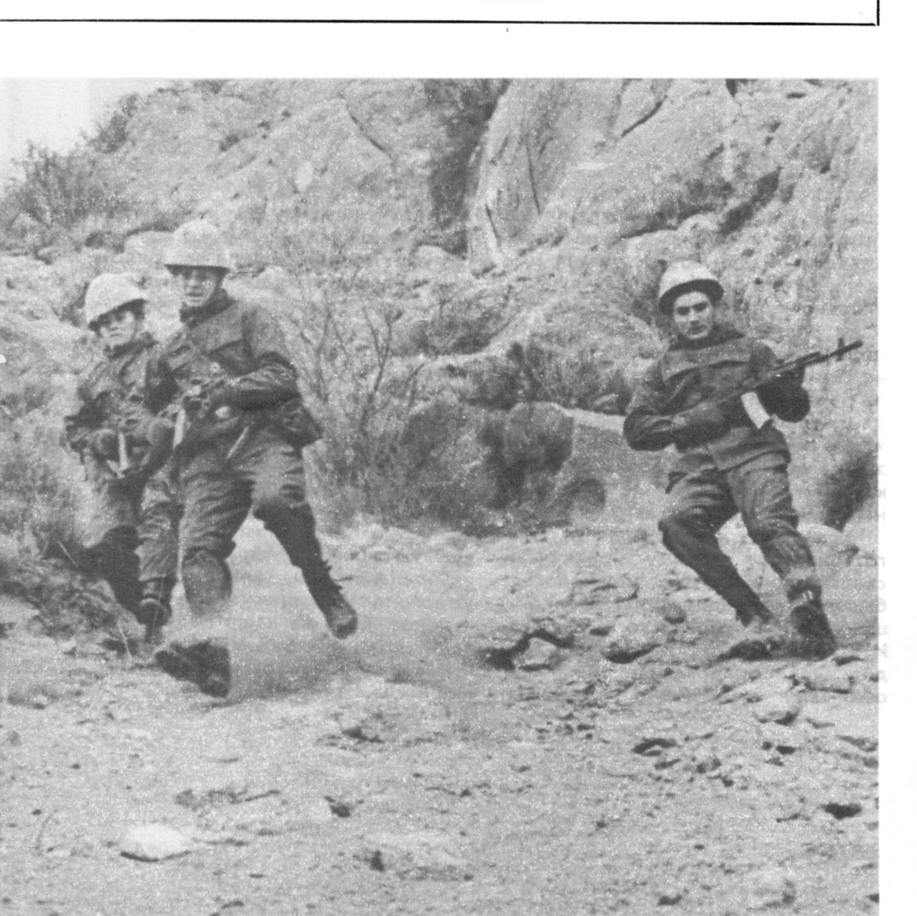
ПАНФИЛ

Атака с гор.

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото И. ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Октябрь сорок первого... В разгар самых ожесточенных боев за Москву на станцию Волоколамск прибыл первый эшелон 316-й стрелковой дивизии, сформированной на территории Киргизии и Казахстана. Командовал ею бывший военком Киргизии генерал-майор И. В. Панфилов.

На одном из самых главных участков обороны дивизии у разъезда Дубосеково двадцать восемь панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым вступили в единоборство с более чем пятьюдесятью вражескими танками. Лишь четверо из горстки храбрецов остались живы, но фашистские танки не прошли.

О том, как воевали панфиловцы в дальнейшем, можно судить по полному названию дивизии: к концу войны она стала гвардейской стрелковой Режицкой, ордена Ленина, Краснознаменной ордена Суворова дивизией имени Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова.

Сейчас в дивизии, находящейся в Среднеазиатском военном округе, служат сыновья и внуки тех, кто защищал столицу нашей Родины, бил фашистов под Великими Луками, освобождал Ригу. Недавно мы побывали в ротах, батальонах и полках дивизии. Нас прежде всего интересовали молодые солдаты, те, кто прошлой осенью надел военную форму. Как входят они в строй, кто им в этом помогает, кто их командиры, как перенимают они традиции отцов и дедов?

...Мы на плацу гвардейского Краснознаменного мотострелкового полка. Сегодня молодое пополнение принимает присягу. Этот полк — один из старейших в Советской Армии, он создан еще в 1918 году. Сияет медь оркестра, холодно поблескивает оружие, замерли четкие шеренги. Звучит команда, и из строя выходит рядовой Батыр Цечоев. И хотя его шаг еще нельзя назвать чеканным, но в подтянутой фигуре уже видна военная выправка, да и форма сидит ладно. Все это далеко не мелочи, по ним можно судить о многом.

Батыр берет текст присяги и дрожащим от волнения голосом читает: «Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству».

С этого момента бывший токарь одного из грозненских заводов принимает на себя ответственность за наш с вами покой, за покой родной Чечено-Ингушетии и всей необъятной Родины.

Воинская специальность Ширинхана Закирова — артиллерист-дальномерщик, а совсем недавно он работал в совхозе, растил хлеб, прокладывал арыки. О войне в семье Ширинхана знают не понаслышке: в составе одной из частей, сформированной почти целиком из казахов, сражался и погиб его дед. Ширинхан ставит свою подпись под текстом присяги и возвращается в строй.

Валерий Абильдаев до призыва работал сварщиком, а в полку стал водителем мощного автомобиля. Валерий уже участвовал в длительных маршах, да еще по горным дорогам: машина работала как часы.

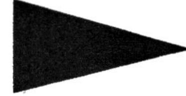

Письмо из дома.

Не так-то просто пришить погон к шинели.

Ветеран дивизии А. А. Дубинин.

Автомат вручается рядовому Федорову.

А потом была встреча с ветеранами. Бывший командир взвода Алексей Алексеевич Дубинин в дивизии с первого дня, он хорошо знал И. В. Панфилова еще с довоенных времен. Тунгучбай Апасов воевал в пехоте, он прибыл к панфиловцам в декабре сорок первого: после жестоких осенних боев дивизия получила свежее пополнение. Надо было видеть, как внимательно слушали молодые бойцы ветеранов, как удивлялись тому, что тогдашние восемнадцатилетние после пятидесятикилометрового марша с ходу вступали в бой и били эсэсовцев, как в лютый мороз вброд преодолевали вспухшие реки и бросались врукопашную.

Есть у панфиловцев еще одна традиция: после того, как молодой воин примет присягу, ему торжественно вручается автомат. День был ветреный, студеный, с гор налетела поземка. Но никто в шеренге не шевельнулся. Командир роты, в списки которой навечно зачислен политрук Клочков, капитан В. В. Воронцов дает команду:

— Рядовой Федоров, выйти из строя!

И вот они друг перед другом. Кавалер ордена Красной Звезды и знака ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», два года выполнявший интернациональный долг в Афганистане, капитан Валерий Воронцов и бывший тракторист из-под города Резекне рядовой Геннадий Федоров.

— Вручаю вам, рядовой Федоров, автомат Калашникова, с которым вам предстоит пройти трудный и почетный путь длиной в два года. В случае необходимости с этим автоматом в руках вы встанете на защиту нашей Родины, поэтому любите его и берегите. А за заботу он всегда отплатит верной и надежной службой как на учениях, так и в бою.

Учения у панфиловцев максимально приближены к боевым, особенно в горах. Сергей Писаревский и Марат Калиев альпинизмом не занимались, но горы любят. Их командир мастер спорта капитан А. Погорелов устроил молодым солдатам проверку и включил в подразделение, которое усиленно занимается горной подготовкой. Мне не раз приходилось видеть соревнования скалолазов — зрелище захватывающее. Но что оно стоит по сравнению с атакой этого взвода?! Одно дело взобраться на гору или спуститься со склона в спортивной форме, борясь только с секундомером, и совсем другое — карабкаться с оружием и полной выкладкой, зная, что из-за любого камня может ударить пулемет. Значит, надо условного противника опередить, надо оказаться выше его и снять первой очередью, первым броском гранаты. А внезапная атака из-за перевала! Дух захватывает, когда видишь, как без всякой страховки несутся по круче воины, при этом они ухитряются обходить камни и расщелины, не падать и на ходу стрелять из автоматов.

Когда ребята отдохнули и приготовились к новому броску на скалы, пронесся слух, что приехал бывший командир роты клочковцев Герой Советского Союза И. В. Запорожан. Надо было видеть, как обрадовались они, как обнимали командира, как восхищенно рассматривали его Золотую Звезду.

Среднего роста, подвижный, очень спортивный и улыбчивый, капитан был искренне растроган. Уж кто-кто, а он хорошо знает цену воинской дружбе, ведь И. В. Запорожан не один год был в Афганистане.

— Тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться,— напутствовал ребят офицер.— Поверьте на слово, в настоящем бою под пули попадает, как правило, плохо подготовленный солдат. Надо, скажем, сделать бросок к камню. Дела-то на три секунды. А иной на это тратит десять. Конечно же, вражеские снайперы не дремлют и успевают его задеть. Спрос за это, безусловно, с нас с вами,— обращается он к капитану Воронцову.— Вы не хуже меня знаете, что солдат может только то, чему его научишь. Поэтому, прежде чем требовать, надо научить. А вы, я вижу, здорово подтянулись. Молодцы! Раньше эту скалу побаивались, а теперь — на «ты». Смирнов, я видел на твоей койке ленту «Лучший пулеметчик». Это не ошибка? Прежде ты частенько бил в «молоко».

— Так то раньше,— насупился Смирнов.

— Проверим?

— Проверим!—загорелся Смирнов.

До мишени метров триста. Смирнов тщательно установил пулемет, довольно долго целился и... первой очередью поразил мишень.

— Молодец!— похвалил Запорожан.— Но пока ты целился, считай, что сам попал под пулю. Надо так!

Капитан подхватил пулемет, в три прыжка скрылся за камнями и тут же резанул короткой очередью. Мишень превратилась в решето.

— Вот это да-а-а!— ахнули солдаты.

— Ничего, научитесь. Главное, нужно помнить, что, стреляя по мишени, ты сам являешься мишенью.

В тот же день мы побывали на танкодроме, видели, как действуют артиллеристы, связисты, саперы, и что характерно: везде и всюду командиры были впереди. Перейти реку вброд — впереди командир, выдолбить в мерзлой земле окоп — командир потеет со всеми, марш-бросок по горам — во главе колонны командир. И всегда офицеры особое внимание уделяют молодым воинам. Казалось бы, что делать на ротных занятиях командиру дивизии и тем более командующему войсками округа? Но мы видели их рядом с молодыми солдатами, слышали, как мудрым советом они помогали вчерашним студентам, рабочим, крестьянам. Такова традиция: пример командира — закон для подчиненного. Так поступали Панфилов и Клочков, так поступают их преемники, командующие ротами и дивизиями сегодня.

...Перед отъездом я снова побывал в музее Боевой Славы дивизии и в Книге отзывов прочитал свежую запись: «Мы, молодые воины-панфиловцы, клянемся приумножать традиции наших отцов и дедов. Если на нашу Родину нападет враг, мы будем до последней капли крови отстаивать нашу любимую Отчизну».

А. Белых. Род. 1923. МОСТОСТРОИТЕЛИ. 1985.

Художественная выставка «Советская Россия».

И. Лимантова. Род. 1958. ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ. 1984.

Художественная выставка «Советская Россия».

Экспансия-II

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

«САМОЕ ГЛАВНОЕ — ЭТО ПЛАН», АСУНСЬОН, НОЯБРЬ, 1946

Роумэн недоумевал: второй день он приходил на главную почту Асунсьона, но Брунна (все-таки Брунн к Штирлицу прилип; есть имена, которые ложатся на человека даже лучше, чем те, под которыми он жил раньше) не было.

Разболтанный «фордик», который Роумэн взял в посольстве (уехал экономический советник, автомобиль стоял безнадзорный около его дома, со спущенным передним скатом), заводился с трудом, мотор, содрогаясь, ноюще стонал, словно страдал хроническим запором; Роумэн с тревогой смотрел на приборный щиток: стрелки давления масла в двигателе то и дело зашкаливало; как можно успевать по делам, связанным с экономическими вопросами, на таком драндулете?! Ну и советник, ну и работничек, а в неудачах, конечно, винит красных; на себя бы оборотился, в таком «форде» только на похороны ездить, а не дела вертеть.

— За вами смотрят,— услышал он тихий голос,— оторвитесь и подъезжайте на индейский рынок, я там вас найду...

Роумэн не сразу поднял голову от щитка, узнав голос Брунна; почувствовал, как ухнуло сердце, словно пришел на свидание к женщине; отсчитав про себя «семь» (любимая цифра, при лебединой красоте в ней еще сокрыта некая особая древняя надежность), посмотрел на улицу: сумасшествие какое-то, никого нет. А почему он должен был идти вперед? Удивился своей заторможенности, перевел взгляд на зеркальце — изящно одетый мужчина в легком сером костюме неторопливо шел через дорогу, обогнув машину: Штирлиц.

Кто за мной смотрит, недоумевал Роумэн? Не может этого быть; если даже и смотрят, то за ним, поскольку в самолете с ним случилось нечто серьезное; да, но он сказал, что смотрят за мной; странно.

Мотор, наконец, схватил; Роумэн нажал на акселератор, тронув «форд» так, что заскрипели покрышки и образовалось легкое голубоватое облачко, повисшее за машиной; оно висело в воздухе, словно грозовые облака в небе, пока Роумэн не завернул за угол; хвоста не было.

Он притормозил машину; ну, давайте, мальчики, подумал Роумэн, я подожду вас, пристраивайтесь; улица была по-прежнему пустынной; проехали два красиво расписанных экипажа, типично испанский стиль, девять тысяч миль от Севильи, а поди ж ты, что значит конкистадорство, эк въедлив стиль...

Если за мной действительно смотрят, хвост должен быть непременно, они же не знают ни того человека, с кем я должен встретиться, ни того места, где назначен контакт; хорошо, а если они знают и Брунна, и то место, где мы увидимся? Они подхватят нас там. Но от кого они могут знать про место встречи? От Брунна?

Асунсьон был мало похож на столицу; разве что только самый центр, несущий в себе неистребимые следы испанского стиля: громадное здание почты; столь же помпезный, с громадными колоннами, парламент, несколько домов, построенных в конце тридцатых годов,— вот и все; остальной город — особняки, утопающие в зелени за высокими металлическими заборами, и лачуги индейцев — этих куда больше. А уж окраины сплошь состояли из развалюх, сколоченных из листов старой фанеры, картона и тоненьких щепочек; ни водопровода, ни электричества; смрад, мухи, голые детишки, играющие в пыли; коленные чашечки распухли, ручонки тоненькие — рахит.

Рынок, который здесь называли индейским, примыкал к старому меркадо; продавали лекарственные травы, чай матэ, листья и зеленые катышки коки,— положишь под язык, прибавится силы, можешь легко одолеть подъем в гору; торговцы, привозившие сюда этот полунаркотик из Перу, знали в нем толк, торговля шла бойко, не зря гринго делают из этих листьев кока-колу, они денег на ветер не бросают. Продавали здесь глиняные статуэтки, как правило, Сан Мартин на коне в сомбреро и пончо, заброшенном за спину, Симон Боливар возле стяга, раскрашенного желто-голубой краской; солнце похоже на лицо индейца, такое же скуластое, крепко кроенное, и глазащелочки; легкие сандалеты — кусок кожи и два кожаных шнурка; сумки — как разноцветные хурджины, так и дорогие, из змеиной кожи; седла, отделанные серебром; вязаные многоцветные шапочки, красно-сине-белые опахала, коренья диковинных деревьев, обладающие лечебной силой, игральные кости и кожаные стаканчики для покера; пряности из сельвы, вяленое мясо в кожаных мешочках — чего тут только не продавали, бог ты мой!

Гомон был постоянным, он образовывал устойчивый гул, напоминавший чем-то тот, который на рассвете был слышен в Игуасу, когда Шиббл и Штирлиц проезжали мимо громадных, почти как Ниагарские, водопадов, только в предрассветье не было зыбкой радуги; раскаленное, бесцветное небо, и солнце бесцветное; духота.

Роумэн шел по рынку, разглядывая товары; купил статуэтку Карла Маркса с трубкой мира во рту; подарить бы такое сенатору Маккарти,— немедленный инфаркт миокарда; он не оглядывался, зная, что вот-вот Штирлиц подойдет к нему сзади, он почему-то был совершенно уверен, что тот попросит его не оборачиваться и назовет новое место встречи, обязательно ночью, где-нибудь среди шума и многолюдья; здесь нет такого места, возразил он себе, деревня; и попугаи спать не дают, дразнят всю ночь; надо будет купить какого-нибудь говоруна Крис, ей понравится, конопушке, как там она, человечек?

— Слушайте,— услыхал он голос Штирлица; тот действительно стоял у него за спиной и разглядывал деревянную маску, сделанную из белого ствола пальмы,— за вами тут тоже топает высокий, крепкий парень, стриженный бобриком, в сером костюме, глаза маленькие, нос боксерский, он вышел за вами из самолета. Меняет его, как мне кажется, девка, похожа на здешнюю, в белом платьице с большим хурджином на боку; а парень постоянно ходит с портфелем свиной кожи, довольно толстым, в таких таскают разобранные автоматы, по облику — американец.

— Спасибо,— не оборачиваясь, сказал Роумэн.

— Любимую высвободили?

— Да.

— Где она?

— Мисс Роумэн в Штатах. Вы убеждены, что за мной ходят?

— Да.

— Вы больше не прихрамываете... Что, это был камуфляж?

Штирлиц не смог скрыть улыбки, в чем-то даже по-мальчишески тщеславной:

— Заметили в зеркальце?

— Да.

— Это поразительная история, расскажу... Поболтаем здесь, пока ваш паренек не подвалил к нам? Или встретимся позже?

— За мной не было машины, я проверил. Все это довольно странно.

— Я очень рад видеть вас, Роумэн.

— Как ни странно, я тоже.

— Я вас подхватил в аэропорту, как только вы прилетели. Очень ждал. Постарайтесь вспомнить, фамилия Викель из лиссабонского «ИТТ» вам ни о чем не говорит?

— Нечего вспоминать, Португалия не моя епархия.

— А Ригельт, штурмбанфюрер Ригельт, ничего о нем не знаете?

— Нет... А почему бы нам не поговорить в машине? Если увидим хвост, я смогу оторваться, да и вы не ковыляете больше, уйдете через проходные дворы, заборы-то соломенные, нырк — и нет!

— Идите первым, только попробуйте поскорее завести мотор,— Штирлиц усмехнулся,— тогда я к вам и сяду. Поезжайте к Паране, в случае чего легко оторваться, дорога довольно широкая, преследование заметно, есть хорошие повороты в район порта. На всякий случай, я остановился на калье Менедес Пелайа, семь, ателье художника Бенитеса. К вам в «Эксельсиор» идти нет резона. Телефон ваш знаю, позвоню два раза, опущу трубку,— значит, что-то экстренное; на почте, если хвоста не будет, впрыгну в машину.

— В машине не могли сказать? — Роумэн, не оборачиваясь, пожал плечами.— Что-то слишком уж вы конспирируете. Странно, что за мной топают, неужели ваши?

Они дошли до машины, Роумэн — впереди, а Штирлиц, то и дело задерживаясь у прилавков,— следом.

Рядом с «фордом» никакой машины не было; в другом конце улицы в моторе разбитого «джипа» без левого крыла копался парагваец в белых шортах и сандалетах на босу ногу; машина экономического советника, постонав, сколько и было положено, наконец завелась; и снова в дрожащем, слоистом воздухе повисло бело-голубое облачко, цветом похожее на грозовую тучу.

Штирлиц быстро сел рядом с Роумэном и сразу же включил радио: звука не было, мертво.

— Чья машина? — спросил Штирлиц.

— Нашего парня из посольства. Разгильдяй чертов! Не автомобиль, а катафалк, хотя набирает здорово, с места, словно двигатель форсированный... Ну, рассказывайте, старина, сзади чисто, мы одни.

Штирлиц опустился к радиоприемнику, пошарил в приборном щитке, нащупал что-то, жестом попросил Роумэна припарковаться, тот, недоумевая, притормозил возле обочины; мальчишки, стоявшие до того кругом и рас-

Окончание. См. «Огонек» №№ 4—8.

считывавшие друг друга на игру,— как и во всем мире: на «квинтер-финтер-жаба, энебэнэ-раба», бросились к машине; в этом районе автомобиль был диковиной, а в центр их — рваных и босоногих — не очень-то пускала полиция.

Штирлиц уцепил пальцами проводок, присмотрелся: в отличие от других, запыленных и промасленных,— новенький; потянул его на себя, приподнял коврик, перегнулся через спинку кресла, вылез из машины, извиняюще улыбнувшись мальчуганам, которые сразу же что-то закричали про «гринго», открыл заднюю дверь, приподнял сиденье, заглянул туда, запустил руку, вытащил маленький микрофон, выдернул из него шнур, что шел к приборной доске, и бросил штуку Роумэну.

— Вот почему они сидели у вас на хвосте,— сказал Штирлиц.— Ну, мудрецы, ребята. Это ваши, Пол, это — не мои, слишком уж современная штука. В рейхе таких не делали, закупали через Швейцарию у полковника Бэна. Теперь они засуетятся, так что давайте жмите по второй дороге, я покажу, там есть съезд к реке, черт не найдет; славный ресторанчик, подъезд просматривается со всех сторон, и к тому же дают сказочную рыбу.

— Ну вы и дьявол,— заметил Роумэн, косясь на крошечный микрофон с небольшим динамиком,— я бы никогда не додумался.

— Что, вас такой аппаратурой не снабжали в Мадриде?

— Нет. Я слыхал про опытную партию, обещали, но, говорят, все загнали в Москву и Восточную Европу, там нужней. Значит, действительно нас топчут мои, Брунн. Вы правы. А если все-таки ваши, значит, они так влезли в Штаты, что можно только диву даваться, грань государственной измены... Ладно, это тема для размышлений, когда я останусь один. Пока рассказывайте, что случилось.

...Выслушав Штирлица, он спросил:

— Ваша версия?

— Как вам сказать... Более всего меня, как ни странно, потряс Шиббл. Почему и он с Ригельтом? Каков смысл? Ведь он англичанин! Резон? Вы можете объяснить?

— Не могу.

— Занятно, нет?

— В высшей мере. Ригельта описать сможете?

— А я его нарисовал. Вам же приглянулась моя живопись у Клаудии... Вот, держите.

Роумэн глянул на кусок картона; портрет был выполнен в цвете.

— Тут и краски продают, в этой дыре?

— Нет. Их привозит из Лимы мой квартиродатель дон Бенитес. Паспорт сможете достать?

— Смогу. Но он будет засвеченным, вас с ним щелкнут на любой границе. Видимо, когда я попрошу об этом, мне дадут именно такой паспорт. Впрочем, можно рискнуть: я вам отдам свой, на сливочном масле, а себе возьму тот, который приготовят в здешней резидентуре... Букву «Р» легко исправите на «Б», «О» на «А», мистер Баумэн, весьма далеко от Роумэна, ничего, пострадаете с неблагозвучной фамилией Баумэн, главное — надежно.

Роумэн глянул в зеркало: дорога была совершенно пустынной.

— Направо,— сказал Штирлиц.— А потом резко налево и вниз, к Паране.

— Хорошо.

— Так вам эта морда,— Штирлиц кивнул на портрет Ригельта,— не встречалась?

— По-моему, нет. Погодите, когда остановимся, я разгляжу получше. Долго до места?

— С милю. Вы говорили, Спарк работал в Лиссабоне. Он его не может знать?

— Спросим,— ответил Роумэн и с трудом сдержался, чтобы не сказать вслух то, что он сейчас думал про Маккайра; ну, сукин сын, а?! Но как работает, стервец! Прямо по-бульдожьи! Только зачем я ему? Чем интересен? Ставить за мной хвост, тратить уйму денег на перелеты, это ж надо пробить через финансовое управление, огромные траты, на них редко идут наши скупердяи, зачем все это?!

— Хорошо бы поскорее,— сказал Штирлиц.— Тут налево, видите, соломенные крыши, это и есть «Пескадор», станьте за забором, сверху машину не будет видно.

— Ладно. Валяйте, слушаю вас.

— Ригельт был адъютантом штандартенфюрера Скорцени, вот в чем дело.

— Человека со шрамом?

— Да.

— С какого года?

— Думаю, с сорок второго. Хотя вопрос ваш застал меня врасплох, говоря откровенно. Почему вас интересует год?

— Потому что Скорцени принимал участие в расстреле полковника Штауффенберга и других генералов, участвовавших в покушении на Гитлера. Их убили за пятнадцать минут до того, как приехал Геббельс, он должен был лично допросить их, пока в Берлин летел Гиммлер. Кому-то было важно убрать заговорщиков до беседы с Геббельсом. Кому? Нас это интересует. Мы до сих пор ищем следы. Значит, если в сорок четвертом Ригельт был со Скорцени, у нас в архивах есть на него материалы.

— Это интересно, Пол. На этом его можно сломать. А если мы его сломим на этом, прижав архивными документами, он отдаст нам имя того человека, который сказал ему про то, что вы посадили меня на испанский самолет, успел зарезервировать ему место на тот же рейс, сделать визу, снабдить деньгами и снотворным,— бутылка была закупорена на фабрике, значит, у них есть склад для такого рода приспособлений... А если он назовет нам имя этого могущественного, судя по

всему, человека, тогда дело прояснится, мы поймем, кто есть кто...

— «Мы» поймем,— усмехнулся Роумэн и затормозил.— Пошли есть рыбу, доктор. Кто это «мы»? Обручение секретных служб Америки и России?

— В борьбе против нацистской цепи,— улыбнулся Штирлиц.— Почему бы нет? Ведь мы союзники, а не враги, если, впрочем, согласиться с версией, что я действительно представляю русскую секретную службу... Жареную рыбу будете? Или вареную?

— Да ничего я не буду,— поморщился Роумэн.— Я буду пить минеральную воду.

— Здесь это очень дорого. Лучше закажите сок, очень легкий, зеленоватый, освежает... Ну и, конечно, нас не может не интересовать этот лондонский журналист Мигель. Кто дал ему материалы на Штирлица? Или Бользена, это уж как угодно. Кто? Смысл? Интересно, нет? Там тоже потянется цепь, и она приведет к тому, кто дергает веревочки, сообщая нужные телодвижения куклам.

— Послушайте,— сев за столик, стоявший почти у самого берега, спросил Роумэн,— а как вы оцените то, что Гаузнера шлепнули в моем доме? Это по правилам? Или так Гиммлер не действовал — слишком уж рискованно?

— Вы можете рассказать мне, желательно по минутам, все, что там происходило?

Роумэн достал мятую пачку неизменных «лаки-страйк», заказал подошедшему официанту (спит на ходу, неудивительно, что живут в нищете, поворачиваться надо, а не мух считать, тогда нищих не будет) стакан сока и кофе, Штирлиц попросил себе чашку матэ и взглядом спросил у Роумэна разрешения взять его сигарету, тот кивнул и начал неторопливо, подолгу обдумывая каждое слово, вспоминать все то, что случилось в Мадриде.

— Это очень странное дело,— сказал Штирлиц, выслушав рассказ Роумэна.— По почерку похоже на стиль Шелленберга; мой шеф любил внешние эффекты, полагал, что это сокрушающе действует на вербуемого. Но шлепать Гаузнера в вашем доме, шлепать лишь для того, чтобы получить у вас бумажку, да еще при этом открыто выражать вам сочувствие... Черт его знает, это дело нужно очень тщательно обмозговать... Подробности, Пол, мне нужны подробности, самые незначительные, пустые, фасон туфель Пепе, его манера прикуривать, расцветка галстука, стрижка, запах духов...

— Мне казалось, что от него разило козлом,— усмехнулся Роумэн.— Только после того, как он ушел, я понял, что это от меня самого разило пóтом, я очень потею, когда пугаюсь чего-то...

Он не играл и не играет, подумал Штирлиц, так может говорить только искренний человек; если все же он играет со мной, то есть против меня, можно считать, что я уже проиграл партию, он значительно сильнее.

— Что касается запахов,— усмехнулся Штирлиц,— то надо обращаться к штурмбанфюреру СС фон Голесофф, он различал нюансы, мог сказать, с каких трав собрали мед, с каких угодий — горы или равнина, Альпы или, наоборот, Тюрингия. Все «шанели» различал по номерам и составлял психологический портрет женщины, которая интересовала Шелленберга по тому, какие ароматы хранил ее бельевой шкаф; довольно любопытно, нет?

— Следы надо искать в Мюнхене,— хмуро заметил Роумэн.

— Почему именно в Мюнхене?

— У нас в Америке пока еще привлекают к суду за клевету и диффамацию, надо быть очень осторожным с обвинением кого-либо в чем-то... Объясню позже.

— Кого намерены обвинить?

— Я же сказал: объясню позже, когда и если соберу достаточное количество документов, которые можно квалифицировать как улики. Неопровержимые улики... Этот Пепе... Понимаете, Крис... миссис Роумэн сказала, что глаза его были полны сострадания, когда он наблюдал за тем, как ее мучил какой-то немец... Неизвестный мне немец... Как он задавал ей гнусные вопросы, упивался ожиданием ответа... Женщина чувствует острее нас, Кр... миссис Роумэн — особенно.

— Вам приятно называть жену именно миссис Роумэн? — спросил Штирлиц.— Или так надо?

— Не знаю... Она как спасательный круг в шторме... Мне приятно сознавать, что она и я — одно целое. А вообще не суйте свой нос не в свое дело. Спрашиваю — отвечайте. И все. Ясно?

— Я теперь стал сильный, Пол, выздоровел. Врежу в ухо — пятки сверкнут.

— Это как? — усмехнулся Роумэн.

— Очень просто. Опрокинетесь на спину, а каблуки ваших туфель, скрывающие розовые пятки, на какой-то миг окажутся у меня перед глазами; когда противник повержен — в глазах высверкивает от радости. Ответ понятен, нет?

— Вполне. Но ваше смешное выражение напоминает перевод пословицы. Чьей только?

— Как это чьей? — удивился Штирлиц.— Конечно, русской... Ладно, давайте дальше про Пепе и миссис Роумэн...

— Черт с вами, называйте мою жену Крис... Мне вообще-то неприятно, когда ее так называет кто бы то ни было, кроме меня.

— Разъяснением удовлетворен,— улыбнулся Штирлиц.

— Так вот, доктор, у меня создалось впечатление, что этот самый Пепе прилетел из Штатов... У него есть акцент, едва угадываемый акцент, но я убежден, что это отнюдь не ваш немецкий. И не испанский.

— Итальянский?

— К этому я и веду.

— Мафия?

— А почему бы и нет?

— Ваши службы используют мафию?

— Нет,— ответил Роумэн, задумавшись на мгновение, поправил себя: — Скажем лучше так, что мне это неизвестно.

— Шелленберг считал, что ваши люди из УСС контактировали с мафией в Сицилии... В сорок третьем... Нет?

— Этого не может быть. У нас была информация, что ряд мафиози были связаны с Муссолини... Мы бы не стали иметь с ними дело, это против правил.

Штирлиц внимательно посмотрел на Роумэна, потом рассмеялся:

— Вы мучительно боретесь с самим собой: верить мне или нет, Пол. Вы ответили, как дилетант... По поводу «правил»... Что, использование Гаузнера — это по правилам? Или этого самого таинственного генерала Верена? Ладно, у вас будет время еще раз подумать о моих словах... Лицо Пепе никогда и нигде вам не встречалось? Убеждены?

— Убежден.

— Крис описывала вам того мерзавца, который с ней работал в его присутствии?

— Садист...

— Они все садисты... Они считали себя рыцарями национал-социализма, которым надо преступать через самих себя, через сентиментальность и сострадание во имя третьего рейха... Это был очень сложный комплекс, Пол. Они плакали над больным котенком, которого замечали в развалинах после бомбежек, и спокойно наблюдали за тем, как на снегу замерзал лауреат Нобелевской премии фон Осецкий, ведь он посмел выступить вместе с Тельманом против наци, чего ж его жалеть, сорняк необходимо выполоть, жестоко, конечно, но ведь это делается во имя здоровья нации... Вот такая штука, Пол...

— Она не могла мне описать его, доктор... Я не смел просить ее, вы, надеюсь, понимаете состояние женщины...

— Я понимаю... Можете достать фотографии людей из центрального штаба гестапо?

— Думаю, да.

— Это замечательно. Можете достать фотографии людей НСДАП, работавших в Австрии до аншлюса?

— Их же были сотни тысяч...

— Значительно меньше. Меня интересуют люди гестапо и СС, типа Скорцени и его группы, Кальтенбруннера и его окружения, Эйхмана и его приближенных... Кальтенбруннера повесили, Эйхман скрылся, Скорцени получает на завтрак порридж со сливками в вашем лагере, судом не пахнет... Австрийские наци были совершенно особыми, они были вхожи в рейхсканцелярию, фюрер был неравнодушен к австрийцам, как-никак, своя кровь...

— Вы хотите, чтобы я показал Кристе все фотографии и попросил ее опознать того мерзавца?

— Да. А если вы сможете найти какие-то материалы по поводу мафии... Если информация Шелленберга не была липой, если Донован или Даллес действительно пытались использовать Синдикат в своих целях — в общем-то не сердитесь, Пол, это по правилам, по их правилам,— тогда мы сможем выйти на Пепе.

— Но если это случится, хотя, ясное дело, все это чертовски трудно, тогда, значит, существует государство в государстве, доктор... Вы хотите в этом убедиться?

— Лучше бы этого не было, Пол.

— Я тоже так считаю.

— Может, тогда и не искать?

— Не провоцируйте меня. Сверкнут ваши ноги.

— Пятки,— поправил Штирлиц.—Если уж цитируете меня, то делайте это грамотно...

— Сидят два человека разной национальности на берегу мутной Параны и говорят об ужасе... Ваша настоящая фамилия, доктор, как звучит?

— Исаев.

— Что?!

— Исаев. Максим Максимович.

— Вы с ума сошли!

— Перестаньте, Пол... Вы прекрасно обо всем догадывались, только поэтому и решились на то, чтобы поверить мне... В определенной, понятно, мере... Я был полковником русской разведки, служил у Шелленберга, да, по документам штандартенфюрера Штирлица, все верно... Против Даллеса и СС обергруппенфюрера Вольфа я работал под фамилией Бользен. В этой работе мне помогала, в частности, Дагмар Фрайтаг. За это ее убили, повесив на меня дело. И Рубенау тоже убили... Это сложная и малопонятная история, почему Мюллер поступил именно так... Темная история, которая была, как это ни странно, спланирована впрок, загодя, на сегодняшний день. Зачем? Вот чего я не могу понять...

— Почему вы не пришли в свое представительство и не сказали, кто вы?

— Назвали бы мне адрес нашего представительства в Мадриде — пошел бы.

— Вы коммунист?

— С тринадцатого января восемнадцатого года.

— Ха! Не может быть!

— Я говорю правду, Пол.

— Хорошо, но отчего вы не предприняли попыток уйти во Францию? Сесть на пароход?

— Я стал на ноги всего как полгода... То есть смог передвигаться без костыля и палки... У меня был задет позвоночник, вот в чем штука... Семь пуль... Я еще ковылял, когда Черчилль выступил в Фултоне, Пол... И потом — на какие деньги я мог рискнуть идти через границу во Францию? У меня даже на автобус не хватало, чтобы доехать до Сеговии... Мне давали на кофе, булку и кусок сыра. Это все. Меня разрабатывали, я был так или иначе обречен, они бы — те, кто верен Мюллеру,— вычислили меня до конца... Если бы я пришел в ваше посольство и сказал, что я из русской разведки, имя и звание такое-то, член партии коммунистов... Вы бы устроили мне бегство из Испании?

— Вас бы начали проверять.

— Верно. Это бы и приблизило мой конец. Вспомните Эйслера и Брехта...

— Это был амок, доктор... Произнесите еще раз ваше имя по-русски.

— Максим.

— Макс по-немецки. По-испански Максимо... Словно бы вам загодя придумывали имя для работы в Германии и Испании...

— Не считайте разведку всемогущей, Пол.

— Не буду, Максим... Так вот, Маккарти успокоился, Америка была шокирована, это все сойдет на нет, мы не можем позорить себя в глазах мира.— Роумэн сказал это словно бы самому себе, убеждающе, с болью.

— Ну-ну...

— Доктор, не надо спорить, я все-таки лучше знаю свою страну.

— Не буду,— ответил Штирлиц, закурив.— Если вы говорите, что с этим делом кончено,— не буду. Рад ошибиться. Я очень радуюсь, когда ошибаюсь в лучшую сторону.

— Такой маленький земной шарик,— вздохнул Роумэн,— такие крошечные страны на глобусе, такие тоненькие линии границы, а поди ж ты... Слушайте, а ваша история просто-таки тема для литературы: трагедия упущенного времени.

— Вы повторили те слова, которые рвали мне душу все то время, пока я плесневел в своем пансионате... Поищите, кстати, если сможете, кто платил деньги тому старику, что сидел при входе. Ему платили гроши, но он получал эти гроши регулярно, поэтому так тщательно смотрел за мной, проверял мои вещи, отчитывался о каждом моем шаге...

— Хорошо... А почему вы не пошли во французское посольство?

— Они обязаны были поставить в известность испанские власти... Франкистов... Никто бы не решился вывезти меня по чужим документам. Да и какой резон?

— Дико... Но логично... Вообще-то дикость не может быть логичной... Ладно, полковник... Хм, ну и ну, Пол Роумэн сидит в Парагвае с полковником русской разведки, который работал против Америки в Берне...

— Я работал на Америку, Пол. Я работал против Даллеса. Я делал все для того, чтобы Америка не покрыла себя позором, заключив сепаратный сговор с Гиммлером... Вы бы не отмылись от этого.

— Даллес никогда бы не пошел на это. Не надо, Максим, я его знаю и отношусь к нему с уважением. Он честно дрался против наци... В вас говорит профессиональная зависть... Он мог больше, чем вы, поэтому вы на него ополчились. Не спорьте, вы не переубедите меня.

— Не буду,— легко согласился Штирлиц.— Так что, будем разрабатывать план? Или после того, что я сказал, вам требуется время для принятия решения?

— Скажите... Если бы вы не встретились в самолете с этим самым Ригельтом, вы бы пошли в русское представительство в Рио или Байресе?

Штирлиц долго молчал, потом, вздохнув, тихо ответил:

— Все-таки, видимо, да... Мне не хочется врать вам, Пол. Я мучительно думал об этом, мне было стыдно, я волновался за вас, я понимаю, что вы один, совершенно один, но, думаю, я бы пришел в русское посольство... Когда вы были рядом — хоть какая-то отдушина... Я ведь был один все эти месяцы... Я на исходе...

— А если я вам скажу, что звеном плана, который я намерен изложить, является ваша поездка в Кордову? Но ведь оттуда легко добраться до Байреса... Вы уйдете оттуда к своим?

— Давайте уговоримся так, Пол... Если мы с вами убедимся, что государства в государстве не существует, мы просто пугаем самих себя случайной пересеченностью совпадений, тогда вы поможете мне уйти... Не считайте, что это просто для русских в Аргентине помочь мне уехать... Это очень сложно... Там пока еще нет даже консульской службы...

— Откуда вам это известно?

— Я провел день с президентом «Ассоциации за культурные связи»...

— Как его зовут?

— Он натурализовавшийся русский, уехал еще дед, раскольник...

— Как его зовут? — повторил Роумэн.

— Пьетрофф. Вообще-то по-русски это звучит «Петров», но здесь его переиначили, чтобы легче выговаривать на свой лад.

— Интересная личность?

— Очень содержательный человек... Его можно слушать часами.

— Он наш агент, Макс.

Штирлиц вытянул ноги, потянулся, запрокинув руки за спину, как-то изумленно покачал головой и снова попросил взглядом разрешения закурить.

— И, мне сдается, во время войны он жил в Европе,— продолжил Роумэн.— В оккупированной нацистами Европе... Но это непроверенные данные. А то, что он работает на нас,— абсолютно, мне назвали его как агента, на которого можно положиться... Мы оплачиваем его телефонные звонки в русское представительство в Рио-де-Жанейро. Мы платим ему, Макс...

— Ладно.— Лицо Штирлица вновь постарело, сделалось морщинистым и нездоровым.— Валяйте, излагайте свой план. Или хотите, чтобы я изложил свой?

— Я хочу послушать вас.

— Только сначала ответьте: готовы ли вы к тому, чтобы включить в наше предприятие миссис Роумэн и Грегори Спарка?

18 ФЕВРАЛЯ В МОСКВЕ ОТКРЫЛСЯ НОВЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

«ПИШИ

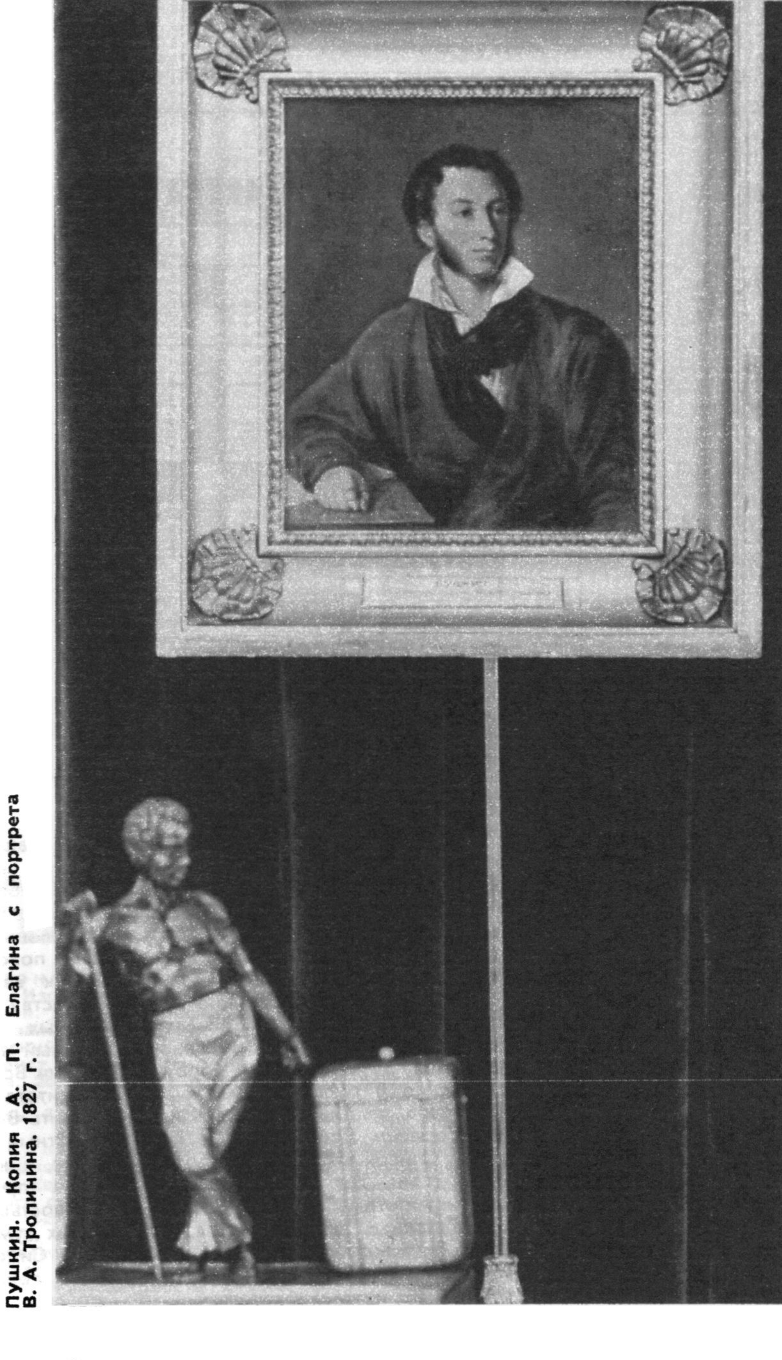
Один из залов дома поэта.

Мемориальный музей А. С. Пушкина на Арбате.

Пушкин. Копия А. П. Елагина с портрета В. А. Тропинина. 1827 г.

МНЕ НА АРБАТ...»

Фото И. ТУНКЕЛЯ

«...Дом, Состоящий в Пречистенской части второго квартала под № 204-м в приходе Троицы, что на Арбате, каменный Двух этажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухнею, прачешной, конюшней, каретным сараем...» Квартиру в нем нанял в 1831 году, января 23 дня, «Г-н Десятого класса Александр Сергеев сын Пушкин».

Этой записи в книге Московской Городской думы оказалось вполне достаточно для того, чтобы небольшой даже по прежним меркам особняк, переживший и великий пожар московский, и множество иных пожаров и войн, претерпевший изрядное количество всяческих переделок и перестроек, тем не менее навсегда остался в истории нашего города, в истории литературы, в конечном счете просто в нашей истории.

Дому этому, безусловно, выпал счастливый удел. И тогда, когда он приглянулся чем-то Александру Сергеевичу Пушкину, подыскивавшему жилье для своей будущей семьи, и впоследствии тоже, когда не коснулись его равнодушные руки, разрушавшие целые кварталы старых, «малоценных» строений в угоду бурно расцветавшей железобетонной архитектуре.

Собственно, здесь обязательно должен был когда-нибудь открыться музей. Потому лишь, что эти, все еще крепкие стены в течение пяти месяцев берегли покой великого поэта.

Пять комнат во втором этаже — зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар — 18 февраля 1831 года приняли только что обвенчавшуюся в церкви Старого Вознесения чету Пушкиных. Как были обставлены комнаты, что за отделка украшала стены, к сожалению, неизвестно. Мебель принадлежала владельцам особняка, а о внутреннем убранстве мы знаем совсем немногое из воспоминаний Павла Петровича Вяземского: «Я принимал участие в свадьбе и, по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною невиданное и неслыханное собрание стихотворений Кирши Данилова». Вот и все, что осталось в памяти десятилетнего мальчика, каким был тогда Павел Петрович.

Не один год работали здесь реставраторы и сотрудники московского пушкинского музея, чьим филиалом стал новый музей, в доме Хитрово на Арбате.

Пустынные комнаты второго этажа сегодня на первый взгляд могут показаться необычными. Создатели нового музея решили, что нет нужды что-то подбирать, как-то украшать пушкинское имя, осенившее этот Дом. Ведь именно этих стен он касался, глядел в эти же окна, что и мы с вами, там же для него вставало солнце и так же падали тени в лунные ночи — разве вам мало этого?.. И еще: среди московских адресов Пушкина арбатский особенный. «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было». И великим тоже знакома тоска по иной, лучшей жизни. Он строит планы, мечтает — и, наконец: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтобы ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь».

...Каждым, наверное, когда-нибудь овладевает мечта переписать историю, чтобы вот этими картинами, гравюрами, что висят на первом этаже музея — Пушкин, Наталья Николаевна, друзья, знакомые,— ограничилась беспощадная судьба, чтобы не манил потом живописцев сюжет «Дуэль на Черной речке», чтобы портреты женщины, которую он назвал «совершенством красоты», не подписывали «Н. Н. Ланская»...

Трагедия, конечно, неминуема, но это произойдет позже, в другом городе. А здесь, в арбатском доме, поэт счастлив. На какое-то непостижимо краткое мгновение своей короткой жизни.

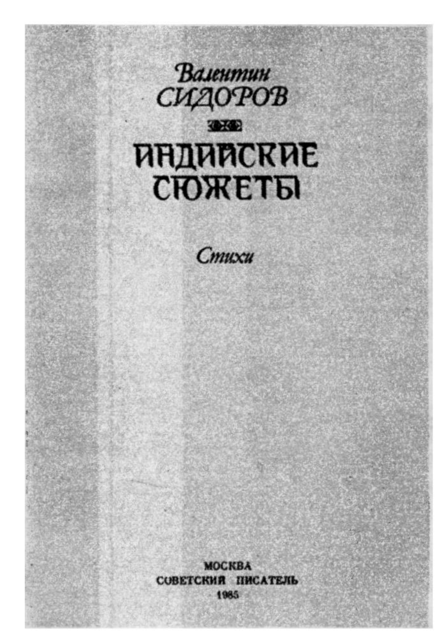
Л. ЛУКЬЯНОВА

Наталья Николаевна. Художник И. К. Макаров.

среди книг

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ ВЕСТЬ ПОДАЕТ

Индия и Россия! В жизни и творчестве скольких замечательных людей, рожденных под северным солнцем и под палящим небом Востока, властно звучал «голос единства Вселенной в дивных словах — Гималаи и Русь». Словно славянская вязь украсила древнюю кашмирскую рукопись, так тесно переплелись в летописи духовного единения двух великих народов индийские и русские имена: Рамакришна, Ганди, Афанасий Никитин, Герасим Лебедев, Анна Павлова... Список этот можно продолжить, стоит хотя бы вспомнить, как неукротимый Стасов, критикуя западных ориенталистов, доказывал тождество сюжетов русских былин и индийских сказаний «Рамаяны» и «Махабхараты».

Но, пожалуй, самой знаменательной вехой в истории развития дружеских отношений двух стран стала та огромная магнетическая сила «взаимного тяготения духовных полюсов Индии и России», которая так яростно проявилась в творчестве Рабиндраната Тагора и Николая Рериха. «Радостно единение этих имен»,— пишет в своей новой книге «Индийские сюжеты» известный советский поэт, неутомимый пропагандист и исследователь классического культурного наследия Индии Валентин Сидоров.

Читателю хорошо известны его книги «Пути любви», «Гималайский сад», «Беловодье», «Путник», «Семь дней в Гималаях» и многие другие.

Новый поэтический сборник Сидорова открывается коротким, но емким очерком-эссе о Н. Рерихе и его «духовном сродстве с Индией». Поражает, насколько страстные призывы к миру, провозглашенные в накаленной атмосфере 30-х годов, актуальны и сегодня, в период активной борьбы за разрядку напряженной обстановки на планете. Вчитайтесь внимательно в приводимые Валентином Сидоровым строки из письма русского художника индийскому писателю-гуманисту:

«С глубоким восторгом мы прочли Ваш повелительный призыв к миру, опубликованный в газетах 5 сентября 1936 года. Пусть эти страстные зовы дойдут до самых отдаленных уголков земли и пусть они позовут к духовному порыву, к взаимопониманию и сотрудничеству, так как без этих культурных основ невозможен подлинный Мир. Разрешите мне от имени Всемирной лиги культуры и Комитета знамени Мира поблагодарить Вас от всего сердца за Ваш властный призыв к защите Мира».

Да, в наш век истинный гуманизм проверяется одним — преданностью служения делу мира. Таких гуманистов называет Валентин Сидоров Учителями жизни, «чье сердце бьется только для других, за всю планету истекая кровью».

Надо отметить, что понятие «Учитель», часто возникающее в стихах Сидорова, так же, как и в индийской философской поэзии, чрезвычайно многогранно:

Ты сам себе Учитель, человек!
Чужое эхо замирает глухо.
Да утвердится ныне и навек
Свобода пробудившегося духа!

Используя традиционное для национальной поэзии Индии обращение к самому себе, Валентин Сидоров создает интересную медитативную лирику, жанр, мало освоенный современной литературной школой. Следуя законам жанра, Сидоров предлагает темы для размышления. Это своеобразное приглашение к сотворчеству, к беседе — «сатсанг». Здесь ценится предельное внимание к собеседнику, умение не только слушать, но и умение услышать; стремление не просто понять смысл, но и почувствовать движение души, внутренний настрой собеседника, когда «сердце сердцу весть подает».

В стихах В. Сидорова особенно яркое выражение получила так глубоко почитаемая индийской философией тема нравственного совершенствования личности.

Преображенье и познанье —
рядом.
Они неотделимы. Познавая,
Преобразует человек себя.

Марина СЕРГЕЕВА

В. Сидоров. Индийские сюжеты. М., «Советский писатель», 1985, 160 с.

ЮМОРЕСКА

СКАЗКА О РЕПКЕ

Выросла в поле репка большая-пребольшая, потому как предшественник ей попался отменный, да поле под завязку удобрено, дождевальной установкой полито.

Созрела репка — дальше некуда, пора ее убирать. Первым должен был взяться за репку дед. Но он теперь перед конторой сидит, сигареты покуривает.

— Мое дело,— говорит он бабке,— повесить красную ленту перед кладовкой, когда репку привезут, да подать ножницы начальству, чтоб ленту перерезать.

— А я теперь культурой ведаю,— парирует бабка,— при Доме культуры запевалой состою.

А внучка и вовсе недосягаема: она на городском рынке колхозные арбузы продает, потому как райсоюз местные не заготавливает, а завозит издалека.

Жучка ассистенткой при деде. Никого, кроме своего хозяина, не признает и не подпускает.

Кошка через знакомого кота получила в конторе стол, стул и микрокалькулятор, а на месте не сидит — по крышам шастает.

А что мышка? Мышка нашла старую мышеловку и норовит приладить ее против кошки: авось, кота турнут с должности, тогда кошка вспомнит про мышку.

— А репку,—сказал бригадир,—приедут убирать горожане, уже и заявка дадена: неуправка, мол, урожай велик.

А репка томится: не запахали бы, как бывало.

Л. БЕСПАЛЬКО

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Лазейка.

калейдоскоп

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МАМОНТОВ

Можно представить удивление жителя города Бердянска Ф. Кравченко, когда, спускаясь к морю, он увидел выглядывавшие из прибрежного обрыва огромные бивни. Ученые, которым Ф. Кравченко незамедлительно сообщил о своей находке, осторожно извлекли из глины несколько бивней трехметровой длины, огромные челюсти и внушительную берцовую кость, которые, судя по всему, принадлежали гигантскому южному слону, обитавшему на земле более 5 миллионов лет назад.

Южные слоны — своеобразные предшественники мамонтов. Впервые останки южного слона были найдены в степях Таврии в тридцатых годах XX века. Находка Ф. Кравченко самая значительная. Она в самом скором времени займет место в экспозиции областного краеведческого музея.

«ЛЕВЫЙ» ПАССАЖИР

Автослесарь из города Нарына А. Молдокулов осторожно вел свои «Жигули» по узкой горной дороге. На перевале Долон, который находится на высоте более трех тысяч метров над уровнем моря, А. Молдокулов внезапно почувствовал, как кто-то прыгнул на крышу его автомобиля. Над головой прогибался металл — это гость «прогуливался». Снизив скорость, водитель решил, однако, не останавливаться. И что же? В скором времени незваный гость перешел на капот. Это был большой снежный барс-ирбис, один из редчайших представителей фауны в горах Центрального Тянь-Шаня. Внимательно посмотрев на человека через ветровое стекло, зверь спокойно расположился на капоте, с удовольствием наблюдая, как А. Молдокулов ведет машину. Путешествие с «левым» пассажиром продолжалось около получаса. Когда же обитателя гор перестали интересовать постоянно меняющиеся вокруг него пейзажи, он властно зарычал, потребовав остановить машину, и, убедившись, что шофер беспрекословно послушался его, спокойно покинул капот и тут же скрылся среди придорожных валунов.

На память об этом рейсе остались вмятины на крыше автомобиля. Впрочем, А. Молдокулов за это на барса-ирбиса почти не сердился — ведь все могло бы быть гораздо хуже...

БЕГУЩИЕ ПО... ПЕСКАМ

Могут ли в жаркой песчаной пустыне жить... чайки? Странный вопрос, не правда ли?

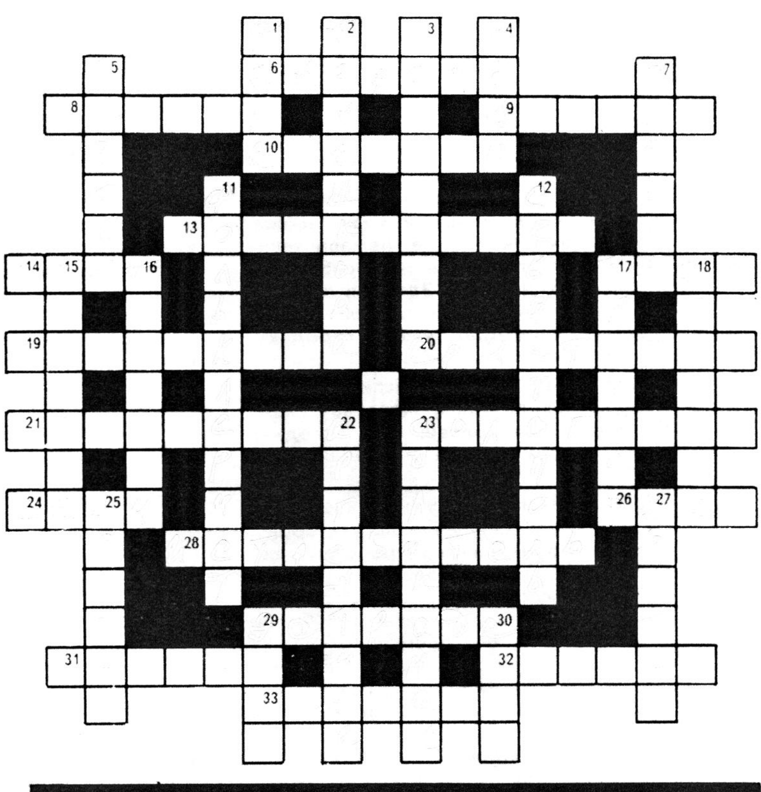
Однако ученые-орнитологи утверждают, что в пустыне Кызылкум поселились чайки. В последние годы здесь ведутся большие ирригационные работы, появились искусственные озера. А в таких водоемах, как Тудакуль, Кугомазорское водохранилище, разводят многие сорта рыб, что и послужило главной приманкой для перекочевавших в пустыню чаек.

СЕКРЕТЫ МУМИЙ

Многие годы бьются ученые, раскрывая секреты древних мумий. И поныне не все из них разгаданы. Но вот какой любопытный урок преподносит природа. Оказывается, малиново-красные клесты, так называемые еловики или сосновики, которые питаются смолистыми семенами хвойных деревьев, после смерти высыхают, как мумии, не разлагаясь. Не послужит ли этот примечательный факт оригинальной гипотезой для ученых, интересующихся тайнами мумификации?

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька» подготовила к печати С. ВОЗЛИНСКАЯ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Металлический барометр. 8. Роман К. А. Федина. 9. Изображение в перспективе. 10. Ранневесенний цветок. 13. Спортсмен. 14. Практически усвоенные знания, умения. 17. Весенний перелет вальдшнепов. 19. Балерина, народная артистка СССР. 20. Древнегреческий поэт-комедиограф. 21. Лесная певчая птица. 23. Советский хоккеист, чемпион Олимпийских игр 1956 года. 24. Вид зимнего транспорта. 26. Денежная единица некоторых арабских стран. 28. Боевой самолет. 29. Вид искусства. 31. Опера Ж. Массне. 32. Болгарский писатель. 33. Один из героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

По вертикали: 1. Фонарь автомобиля. 2. Женщина летчик-космонавт. 3. Традиционный персонаж итальянской «комедии масок». 4. Река в Западной Европе. 5. Горы на востоке Балканского полуострова. 7. Вид водного спорта. 11. Специалист, изучающий устное народное творчество. 12. Город-герой. 15. Торговля. 16. Стихотворение В. В. Маяковского. 17. Пешеходная дорожка по сторонам улицы. 18. Документ, выдаваемый в награду за успехи. 22. Государство в Южной Америке. 23. Город в Пермской области. 25. Норвежский исследователь Арктики. 27. Разновидность химического элемента. 29. Плато на юге Сахары. 30. Южное плодовое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 7. Блюхер. 8. «Призыв». 9. «Гренада». 10. Стратег. 11. Джут. 13. Звание. 14. Ефимов. 16. Резиденция. 18. Обороноспособность. 19. Исаковский. 22. «Дороги». 24. Клинок. 27. Яхта. 29. Гилельс. 30. Батарея. 31 Судеты. 32. Офицер.

По вертикали: 1. Влёра. 2. Ахунов. 3. Предание. 4. «Спутники». 5. «Динамо». 6. Пырей. 11. Дезинсекция. 12. Теннисистка. 13. Зерноград. 15. Выпускник. 16. Риони. 17. Ясный. 20. Смольный. 21. Илизаров. 23. Оберек. 25. Опарин. 26. Тимур. 28. Ремек.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Памятник В. И. Ленину на Октябрьской площади. Сооружен по проекту скульпторов Л. Е. Кербеля и В. А. Федорова, архитекторов Г. В. Макаревича и А. Б. Самсонова. Фото В. МАСТЮКОВА (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Кремль. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 31.01.86. Подписано к печати 19.02.86. А 00632. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 574. Заказ № 2268.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Живые узоры

Фото Н. РАХМАНОВА

Вьется меж полей и лесов, стремясь к Волге, речка Узола, и выступают ей навстречу деревни — Новопокровское, Семино, Кулигино, Хрящи. Каждая с обычным порядком крестьянских домов, ладных, крепких, рубленных из местного дерева, многие украшены старинной резьбой с цветами, узорами, со сказочными птицами сиринами — вестницами удачи и счастья. С виду дома как дома, немало таких в Горьковской области, и все же особенные: в каждом живет художник. Здесь и обитель его, и мастерская, и музей. А неподалеку, в восьмидесяти километрах, уже и город художников — Семенов.

Все это Хохлома, золотая, расписная. Старинная и снова современная, желанная в каждой семье, будто помолодевшая в последние годы, с сегодняшним ритмом знакомых орнаментов.

«Как за Волгой яр хмель над кусточком вьется; перевился яр хмель на нашу сторону. Как на нашей сторонке житье пребогато: серебряные листья, цветы золотые»,— поется в старой песне, и слова эти рисуют исконное хохломское узорочье, и оживает в них мечта народа о процветании, благоденствии.

Не найти здесь двух одинаковых изделий, все от характера человека зависит, от настроения. У кого нажим напористей, завиток круче, у кого понежней, потоньше, лист поузористей. Один шире, свободней ветку пускает, все поле записывает, другой тесней, компактней рисунок на поверхности пристраивает, красоту самой плоскости освобождает. Чередуются мазки — то крупные, сочные, то близко, рядышком — короткие, дробные; ритм движения, словно в танце, меняется, и нет однообразия руке, хотя общий рисунок вроде одинаковый. Мастер, мастерица вырисовывают вещи, будто вытанцовывают. Так, ненароком, интуитивно сберегается в народном творчестве игровой момент, иначе отлетит его душа, исчезнут волшебство и обаяние.

Плавно ложится рисунок на сферической поверхности чаш, поставцов и блюд, гибким орнаментом овивает донца, края и стенки, мягко застилает столешницы, вспыхивает яркими сполохами по краям и бортикам ваз, на спинках стульев и креслиц.

Алая киноварь, черный цвет и золото — любимые краски Хохломы. Вот по золотому полю кисть легко и изящно вьет узор с ягодкой, чаще всего с рябинкой, бросает кое-где зеленые листики. Из одной ветки вырастает другая, за ней — третья, рапорт повторяется, но не приносит однообразия, все живет и движется в каком-то бесконечном, постоянно обновляющемся потоке, как в круговороте самой природы. И покажется вдруг, что вы не в зимней Москве, а летним солнечным утром у тихой речки, где так спелы травы, и свежий ветерок, будто разметавший в росписи штришки, точки, картуши, спасает вас от душного зноя, дает покой и бодрость.

Почти совсем, как в другой песне: «...буйный ветер по садочку повевал, с древ листочки, с трав цветочки буйный ветер обрывал, зелен садик усыпал, мягку травку устилал».

«Травка» и есть любимый мотив Хохломы. Нет в ней натуральных деталей, подробностей, рисунок условен и чаще всего лаконичен, но наше восприятие охотно откликается на этот намек, вызывая в воображении полнокровные образы, картины цветущей земли с напоенным луговой пряностью воздухом, звонкими красками июльского дня, драгоценной роскошью осеннего леса. Все питает глаза и сердце художника и передается нам вместе с вдохновенным движением его кисти по олифленному дереву.

Но вот на глубоком черном фоне прихотливо и энергично струится золотая вязь каких-то странных, диковинных листьев, вспыхивают, загораясь, редкие огненные вкрапления, и в этом противоборстве колористических сил возникает драматическое напряжение, ощущение тайны. Ее творят магия ритма и та пластическая, живописная цельность, которые веками совершенствовались в искусстве Хохломы, передавались из поколения в поколение и теперь уже, наверное, вместе с мастерством запрограммированы в генах.

Когда же красную киноварь ласково обволакивает сияющий орнамент стеблей и гроздьев, тонко, по контуру, чтобы подчеркнуть форму, обозначенный черным, а штрихи и прожилки кисть ведет все тем же, алым,— вас надолго охватывает чувство праздничного торжества.

Мудрость русского народного художества и была всегда в том, чтобы порадовать, возвеселить душу, хотя бы и самой малостью, такой, к примеру, как купленные на ближайшей ярмарке чу́дные, прекрасные в скудном крестьянском быту ложки, миски, бочата, а то и дуги для коней, коромысла, скворечники, разрисованные смелой и сноровистой рукой хохломского художника. Как оживляли они однообразное, тяжелое деревенское существование, будоражили ненароком мечту о какой-то иной, дивной, невыразимо волнующей жизни, одаривали теплом и светом, исходящим от этих лучистых предметов.

Давно, с конца XIX века, исчезла и в самом глухом российском углу насущная потребность в деревянной посуде. Но тогда же по достоинству оценили ее художественные свойства образованные, просвещенные люди. Из промысла, имевшего прежде утилитарное, практическое назначение, Хохлома стала центром уникального, самобытного искусства. Жизнь наша изменилась, но сохранилась потребность в том заряде силы и доброты, которые несут в наш дом эти маленькие шедевры народной фантазии; в них образ нашей земли, ее дыхание.

Берет в руки мастер или мастерица «бе́лье» — токарный товар, обточенный, и начинает колдовать над ним. Нанесет слой олифы, уваренной, густой, как лак, и сушит целую ночь в печи при хорошем жаре. Растолчет, разотрет мелко, до пыли, металлический порошок — когда-то это было серебро, потом олово, а теперь алюминий,— протрет им тонко поверхность, и она кажется серебристой. Снова олифит и снова — в протопленную печь. Вот тут и начинает действовать старинный секрет Хохломы: за ночь серебро становится золотом. Древняя вожделенная идея алхимиков, которые веками бились над превращением благородных металлов, просто и ловко разрешается хохломскими умельцами. А уж потом бросают они по этому мягко сияющему слою свой любимый узор — травку, ягодку, оживки, или сплошь, как ковром, устилают витым хмелем. И опять олифят, сушат. Изделие начинает мягко светиться; звонкие, сильные — красный и черный — цвета укрощает и объединяет общий золотистый тон. Иногда, в зависимости от росписи, порядок действа меняется, но характер остается неизменным, даже в фабричных условиях, в Семенове, с поправкой на организацию современного централизованного производства.

Когда-то в Московском государстве немало было промыслов деревянной посуды, «щепья», имитировавшего дорогие изделия. Легкие, надежные в перевозке, нарядные, они пользовались хорошим спросом, были любимы в народе. Говорят, что истоки этого искусства заметны на Руси в конце XVI века. А в следующем уже упоминаются тверские «олифленные блюда», вологодские «братины золотные», московские «братины красные, подписаны золотом». Делали их на Северной Двине, в Кирилловом монастыре, в Троице-Сергиевом. Селения Хохломы в то время оказались приписаны к лавре. Оттуда, видно, и пришло в глухие волжские леса своеобразное искусство. Стояло тогда здесь село Хохлома, которое, как и Семенов, занималось скупкой и сбытом «крашения», распределением по мастерам точеного белого товара. Через Городец по волжскому торговому пути шли эти изделия по всей России, больше всего в южные и западные земли, где были в диковину. Особым спросом и по сей день пользуются они на Востоке, и не только в Средней Азии.

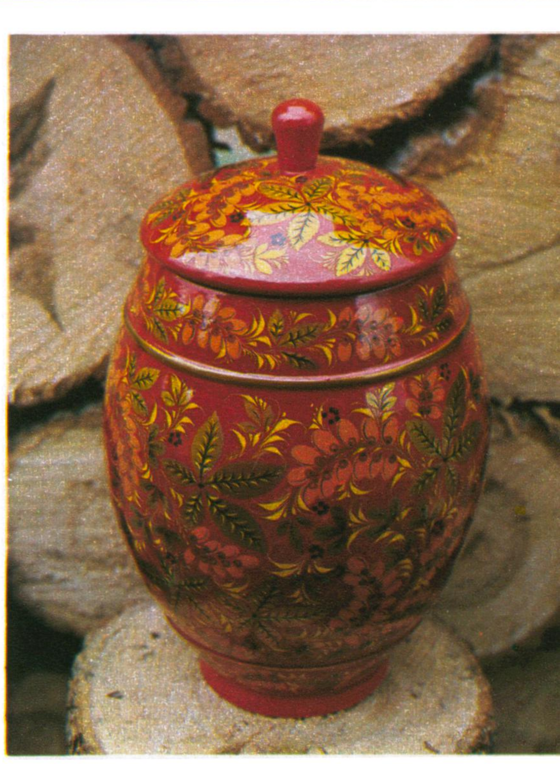
Не сразу складывался тот хохломской стиль, который мы знаем сейчас. Травный орнамент пришел в крестьянское искусство с драгоценных окладов, чеканенных растительной вязью, с орнаментов, украшавших указы и грамоты, с рисунков в старообрядческих рукописях — повсюду вокруг были скиты, с вышивок на седлах и чепраках купеческих коней, с узоров тканей господского платья. Все впитывалось, все оказало влияние, и ничто не осталось в своем первоначальном виде. Не годы — столетия отстаивалось, отбиралось то, что ближе всего душе народа. Особенно прижился раскованный «кистевой» прием, когда свободный росчерк кисти творит гибкий, текучий декор. Он струится волнами по поверхности, оплетает ее, разбегается в стороны, образуя в центре розетки — давний, уже забытый изначальный знак Солнца.

С появлением в городах фаянса, медной посуды многие промыслы сворачивали свою деятельность. Лишь Хохлома устояла. «Товар их легок, чист, крепок и светел»,— заметил более чем полтора столетия назад один из исследователей. В 1797 году здесь выделывали более миллиона чашек, стаканов, ложек, блюд. Их можно было еще в течение целого века встретить повсюду, они сопровождали служивых людей в походах. В Болгарии, в Плевене, в местном музее среди личных вещей русских солдат, участников кампании 1877 года, хранятся две хохломские чашки, украшенные простейшей «травкой». Массовый дешевый товар расписывался тогда скорописью, но при этом не терял привлекательности. Лаконичные полоски, черточки, ромбы, нанесенные непринужденными мазочками разной толщины и силы, на нынешний взгляд кажутся весьма интересными, хотя и скромными по своим художественным средствам.

Старейший мастер Степан Павлович Веселов * Бабушкино одеяло тоже произведение народного творчества * И это все — Хохлома.

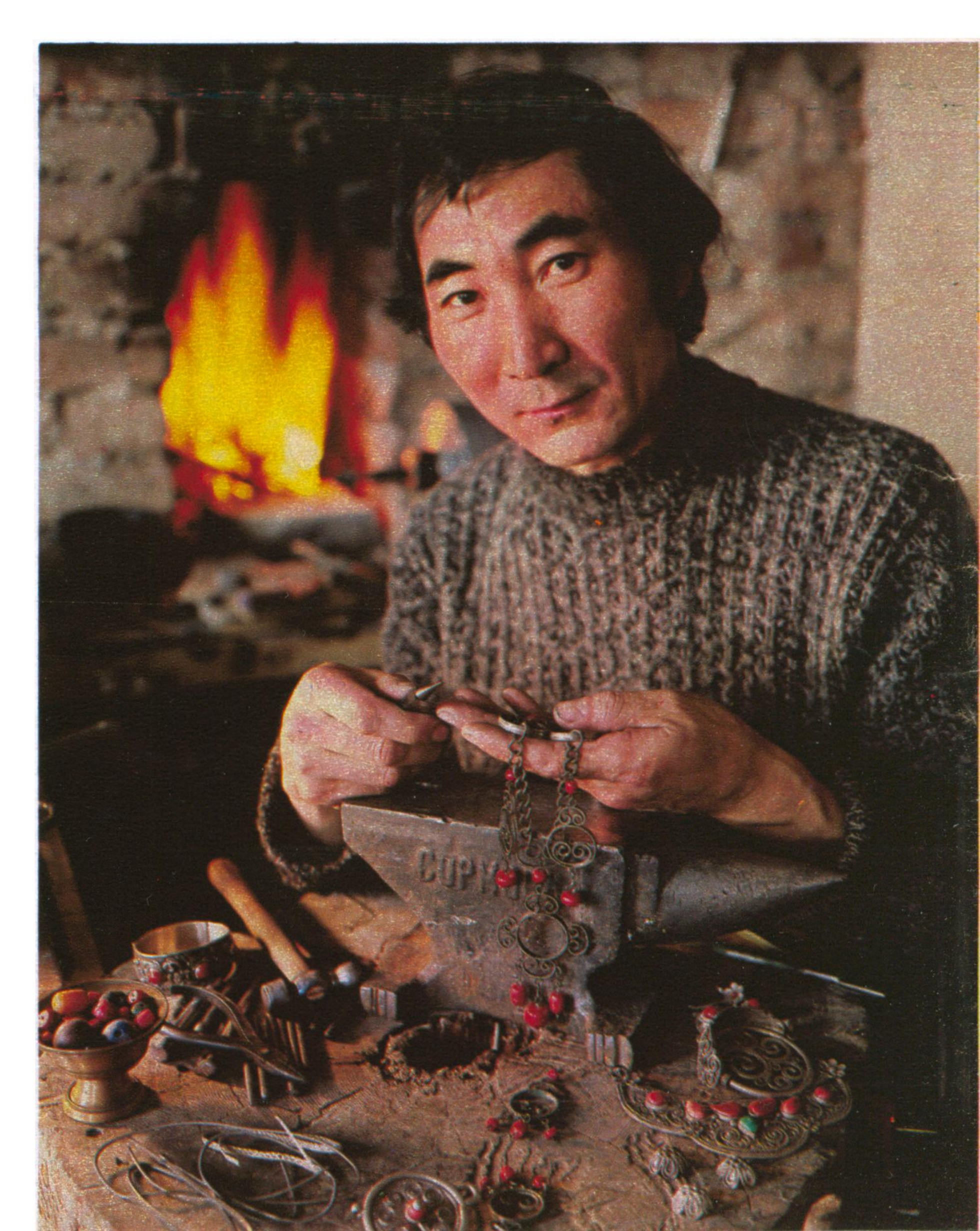

Современная Хохлома — это предприятия «Хохломской художник», «Хохломская роспись», подсобные промыслы в колхозах и совхозах Горьковской области. Это старейшие и совсем молодые мастера, окончившие местное профтехучилище, и художники, ищущие новые рисунки, новые формы. Идет время, меняется живописный, пластический ритм хохломских узоров, становится, может быть, более сдержанным, выразительным, даже элегантным. Неизменным сохраняется сам образ, дух этого удивительного художества.

Искусство — душа народа, и оно отражает его реальное бытие. Далека от волжских лесов Бурятия, иная здесь жизнь, обычаи, другое творчество. Забайкалье прекрасно, заметил Антон Павлович Чехов. Чуткая душа русского писателя восприняла и оценила величие непривычных европейскому глазу безбрежных степей, извилистых хребтов Саянского плоскогорья. Издавна буряты вносили разнообразие, яркость, цветистость в свой суровый кочевой быт. Их глаз отдыхал от однообразия каменистой земли на причудливой гравировке и формах металлических украшений, на затейливых узорах тамбурной и стебельчатой вышивки, аппликациях из меха и тканей, которыми бурятские рукодельницы длинными зимними вечерами в юртах расцвечивали одежду, унты, рукавицы и конскую упряжь, колчаны, приклады. А когда женщины надевали удивительное хиихэ, слух ласкал мелодичный звон крошечных колокольчиков, укрепленных на тонких цепочках, они звучали и пели при малейшем движении.

Поначалу не только у бурят, у разных народов украшения считались амулетами, талисманами, имели магическое толкование и служили оберегами — должны были защищать, приносить удачу. От тех времен пришли в искусство круглые, как солнце, диски, изображения коней, зверей, цветов и бутонов лотоса. Торговые караваны, которые шли на Восток и Запад, Север и Юг, приносили влияние Тибета, Монголии, Китая, позднее — русского искусства. Все трансформировалось, сливалось с местным, коренным. Бурятские златокузнецы работали и по серебру, с золочением, и по железу — все зависело от достатка и желания заказчика. В 1751 году немецкий путешественник Гмелин отмечал, что «буряты умеют делать по железу серебряные и оловянные насечки так хорошо, что их работа не уступает дамасской».

В рассветном красноватом мареве, когда все дрожит, расплывается, как в нереальном завораживающем мираже, блеск металла на одежде, на конской упряжи кажется таинственным, полным космической силы. Но в дневной, полуденный час происходит разительная перемена: в сухом чистом воздухе ясно выделяется четкая графика линий, объемы, контуры чеканных пластин, как бы подчеркивая могущество и значительность их владельца.

Не было в давние годы мужчины, который не носил бы у пояса в оправе бурятский нож, трубку, огниво. А в приданое невесты входило множество предметов: височные и для кос бляхи, перстни, серьги, гуу, хиихэ, шэмхуургэ — как мы сказали бы теперь — ладанки, подвески, в которых упруго падали вниз тонкие цепочки с маленькими колокольцами, а растительные узоры переплетались с символическими изображениями неба, звезд, луны и фигурок священных животных.

Нынешние художники наследуют искусство старых мастеров, знают и применяют разные техники. В их произведениях — вкусы сегодняшнего дня, но при этом всегда обязательна печать национального стиля.

Так выглядят бурятские национальные костюмы * Женское украшение хиихэ. Работа народного мастера Доржи Чагдурова. 1940 год * Старинные традиционные принадлежности бурята: трубка, огниво, нож, табачница. Из коллекции Музея изобразительных искусств в Улан-Удэ * Заслуженный деятель искусств Бурятской АССР художник Максим Эрдынеев.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663